

По следам гениального грабителя

Автор:

Евгений Сухов

По следам гениального грабителя

Евгений Евгеньевич Сухов

Я – вор в законе

Банда Степана Шабанова совершает ограбление крутого московского банка. Преступники действуют по наводке, и все проходит без сучка без задоринки. «Шабановцам» удастся вынести из хранилища партию алмазов стоимостью в несколько миллионов долларов и беспрепятственно скрыться. Но удача на этом заканчивается. Вскоре одного из участников банды арестовывают, а на остальных начинается охота. Кроме того, бандитов обвиняют в похищении алмазов не на миллионы, а на миллиарды долларов. Но почему? Неужели их подставили и они ограбили уже ограбленный банк, в котором до них кто-то успел хорошо «поработать»?

Евгений Сухов

По следам гениального грабителя

© Сухов Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Банк ограблен

Ранним утром пустынное помещение банка всегда выглядело огромным. Через каких-то минут сорок подойдет обслуживающий персонал; помахивая тощими портфелями, явятся в операционный зал менеджеры по работе с клиентами; степенно шагнут в свои кабинеты заведующие отделами; в своем шикарном автомобиле подкатит управляющий, и уже через час здание будет заполнено клиентами, вкладчиками и банк, окончательно потеряв прежнюю утреннюю величественность, станет больше напоминать переполненный супермаркет, чем хранилище вкладов.

Оставшиеся минуты ночного дежурства тянулись невероятно долго. Картинки на мониторах не желали оживать, застыв, будто масляные краски на столетнем холсте. На улицах ни случайного прохожего, ни кошки, опасно пробежавшей, – ровным счетом никого!

Поднявшись из-за стола, Потап Никифоров прошелся по залу, заглянул в коридоры и, вернувшись в зал, посмотрел через затемненные стекла на улицу. Трасса оживала, по ней стремительно разъезжали редкие автомобили.

Никифоров посмотрел на часы – сменщики опаздывали на пятнадцать минут. Подобная неаккуратность раздражала. Вечно у парней находятся какие-нибудь уважительные причины, чтобы не явиться вовремя: начиная от гигантских пробок на дороге до оставленных у любовницы ключей. Сменщики обычно

заявлялись вместе, как будто проживали в одной квартире, но в действительности у одного квартира была в Зеленограде, а у другого в Балашихе. Один был молодой, холостой, вечно голодный до любовных приключений и тощий, как мартовский кот, а другой, постарше, – степенный, семейный, успевший за четыре года удачного брака нарожать четырех детей и раздобреть. Совершенно разные люди, как по характеру, так и по возрасту, но что их объединяло, так это то, что оба постоянно опаздывали на службу. Но ведь надо же понимать, что коллегам хочется побыстрее добраться до дома, принять душ и завалиться в постель.

Вздыхнув, Потап вернулся на место и принялся перелистывать трижды перечитанный мужской журнал; рядом, на соседнем стуле, уныло уставившись в монитор и одолеваемый схожими мыслями, сидел напарник Архип.

Звонок, которого особенно ждешь, почему-то всегда звучит неожиданно. Невольно вздрогнув, Никифоров посмотрел на монитор. Так и есть, у входа стоял сменщик Игорь и интенсивно размахивал руками, давая понять, чтобы открывали побыстрее двери. Что-то в этот раз ему особенно не терпелось на работу. Даже трудно припомнить, когда такое случалось в последний раз.

Потап Никифоров разблокировал дверь и впустил сменщика, выглядевшего крайне встревоженным.

– Чего вы тут сидите?! – Игорь зло стрельнул глазами в подошедшего Потапа. – На втором этаже стекло вырезали! Неужели ничего не слышали?

Потап посмотрел на удивленного Архипа, потом перевел взгляд на взбудораженного Игоря и хмуро обронил:

– Надо полагать, что это одна из твоих дурацких шуток?

– Какие еще шутки? Пойдем посмотрим! – позвал сменщик Потапа. – А ты здесь покарауль, – бросил он оторопевшему Архипу. – Вдруг выскочат!

Никифоров, одолеваемый самыми невеселыми предчувствиями, увлекаемый сменщиком, прошел за угол здания и невольно сглотнул, увидев, как с балкона второго этажа, слегка покачиваясь, свешивается веревочная лестница, едва касаясь травы, а через вырезанное стекло просматривается потолок второго

этажа.

- Ну что, убедился?!

- Мать твою!.. - вырвалось у Потапа. - Может, они еще в здании? Надо посмотреть! Ты пока останься здесь.

- Хорошо... Вызывай полицию!

Никифоров дрожащими пальцами набрал «02»:

- У нас ограбление... В банке «Заречье»... Да, будем на месте. - Следующий звонок был начальнику службы безопасности Михалеву: - Алексей Павлович, тут у нас такое дело...

- Не мямли, что у вас там?! - выкрикнул Михалев.

- Банк ограбили!

- Ничего себе! - выдохнул начальник службы безопасности. - Еще кому-нибудь звонил?

- Только в полицию.

- Ладно, будь на месте... Управляющему я сам позвоню. Скоро подъеду!

- Хорошо, - глухо произнес Никифоров.

«Видно, душ придется отложить на неопределенное время», - подумал Никифоров и потопал в банк.

* * *

- Все, приехали! - объявил Шабанов, остановившись неподалеку от придорожного кафе. - Выходим.

– «Фиалка»... Хм, странное название для придорожного кафе. Ты решил перекусить? – спросила Варвара, покидая автомобиль.

Степан Шабанов усмехнулся:

– Я здесь по другим делам.

– И куда мы?

Следом вышли Константин с Назаром.

– Вы постоите здесь, а я скоро подойду. Не переживай, – улыбнулся он Варваре. – Здесь недалеко. – И, повернувшись к Константину с Назаром, стоявшим рядом, сказал: – Вытаскивайте пока сумки.

Не оглядываясь, Шабанов уверенным шагом двинулся вдоль дороги, в сторону небольшой автостоянки, видневшейся через поредевшую просеку. Отойдя на значительное расстояние, Степан вытащил телефон и набрал номер:

– Модест, это ты?

– Он самый.

– Наши договоренности остаются в силе?

– Да. Ты сомневаешься?

– Нисколько!

Отключив телефон, Шабанов швырнул его далеко в сторону. По дороге нужно будет купить другой.

Постучавшись в будку охранника, Степан произнес:

– Никанор, где ты там?

На его зов вышел кряжистый мужчина лет пятидесяти в черных латаных штанах и застиранной светло-зеленой рубашке с длинными рукавами.

– Я здесь... Ты вовремя, – посмотрел он на часы. – А то, знаешь, как бывает, оставят машину, а потом дожидаться не можешь... Забирай! Вон она, твоя красавица, хозяйина в тенечке дожидается, – показал он на темно-синий «Фиат».

– Держи, – сунул Степан охраннику деньги. – Надеюсь, машину никто не поцарапал?

Охранник согласно кивнул и сунул деньги в карман.

– Смотрел как за своей... Тут один на грузовике подъехал, – заметно оживился охранник: полученные деньги заметно подняли настроение, – хотел рядом с твоей машиной встать, так я его в сторонку подвинул, чтобы недоразумений не возникло.

– Правильно, – похвалил Степан.

Он подошел к машине, на всякий случай осмотрел ее со всех сторон и, сняв с сигнализации, уселся за руль. «Фиат» завелся легко, как если бы только его и дожидался. Вырулив со стоянки, Шабанов, махнув на прощание рукой, покати́л в сторону придорожного кафе.

Двое молодых мужчин и девушка, стоящие с сумками у обочины, напоминали голосующих. Обычная сцена, на них вряд ли кто обратит внимание.

Шабанов остановился рядом.

– Пока ты не подъехал, перед нами две машины тормознули, – улыбнулся Константин. – Хотели нас подвезти.

– Сумки складывайте в багажник, – распорядился Шабанов и, выскочив из салона, ухватил большую, с длинными плетеными ручками. Аккуратно, как если бы опасался в ней что-то разбить, установил сумку в самый угол багажника.

Константин с Назаром взяли тоже по одной, меньшие. Захлопнув багажник, Шабанов кивнул на «Опель», стоявший метрах в пятидесяти, и спросил:

- Интересно, сколько он здесь простоит?

- Все зависит от случая, - резонно заметил Константин.

- Костя, все забываю спросить: а как тебе удалось достать этот «Опель»? Ты его угнал, что ли? Сигнализация-то, смотрю, установлена серьезная!

Ряшенцев довольно заулыбался:

- Так я ее и устанавливал.

- Ах, вот оно что, тогда понятно. А хозяин где?

- Уехал в Турцию, в Анталию, кажется.

- А он не догадывается, что машины нет?

- Кажется, нет. Тогда ему было бы не до отдыха. Вроде дня через два должен подъехать.

- Представляю его разочарование, когда он вернется, - хмыкнул Шабанов.

Разместились в салоне, Варвара устроилась рядом. Посмотрев на обочину, Степан спросил:

- Ничего не оставили? А то, знаешь ли, бывает...

- Все на месте. Было бы обидно оставлять миллионы на дороге, - хмыкнул Назар. - С таким трудом нажитые...

- Тогда поехали, - проговорил Шабанов и надавил на газ. На обочине остался поцарапанный «Опель».

Глава 2

Свидетелей не обнаружилось

Афанасий Николаевич Жилинский, следователь по особо важным делам, всю прошедшую неделю не покидал службу раньше десяти вечера, а вчера и вовсе заявился домой едва ли не с первыми петухами: занимался текущими делами – писал представление об устранении нарушений закона в одной из нефтяных компаний, где удалось выявить хищение на сумму почти двести миллионов рублей; затем предъявлял претензии строительной фирме, обнаружив нецелесообразное расходование средств, а потом набросал заметки на опротестование правового акта в отношении исполнительной власти, надумавшей подмять под себя прибыльное автомобильное предприятие. Так что Афанасий имел полное право провести выходные дни с книгой в руках, сидя в любимом кресле у широкого окна, через которое был виден уголок небольшого парка, заросшего старыми липами.

Однако проснувшись ранним утром, он почувствовал, что наступивший день сложится неудачно. Именно это и называется интуицией. Так что, когда после выпитой чашки кофе у него вдруг зазвонил мобильник, Афанасий даже не удивился – на экране высветился номер Темушкина, начальника отдела следственного комитета, его непосредственного шефа, – рыхловатого малоразговорчивого дядьки, но в целом человека неплохого. В прежние годы Темушкин успел поработать судьей, а потому он выглядел важным даже тогда, когда стоял у писсуара.

– Послушай, Афанасий, – забасил он в трубку, – тут такое дело – ограблен банк «Заречье».

Темушкин изъяснялся в свойственной ему манере, позабыв поздороваться, впрочем, он также никогда и не прощался, просто выключал телефон или бросал трубку. И в силу каких-то причин был убежден, что всякий подчиненный – в любое время дня и ночи – должен галопом спешить на место преступления, подобно борзой на зов проржавевших охотничьих труб.

– Банк «Заречье»? – невольно выдохнул Жилинский. – Но ведь это один из самых защищенных банков России. Я слышал, что у него десять степеней защиты.

– Все так, меня это тоже немало удивляет, но тем не менее банк ограблен.

– И каков приблизительный ущерб?

– Разные цифры озвучивают... Примерно около двух-трех миллиардов долларов.

– Ничего себе! Что же в нем такого лежало?

– Золото, еще что-то... Сам узнаешь по ходу. Выезжай немедленно и разберись с этим делом. Уверен, что лучше тебя с ним никто не справится. Тебя там будут ждать смежники из уголовного розыска, я уже им сообщил.

Жилинский выдержал паузу и ответил:

– Хорошо, выезжаю. – И прежде чем начальник отдела успел что-либо сказать, отключил телефон.

Афанасий Николаевич взболтал кофейную гущу и вылил ее на крошечное блюдечко – каша растекалась по гладкому дну тонкими коричневыми зернистыми ручейками. Одна из струек – длинная и кривая – легко преодолела золоченый ободок, смявшись в темную кляксу. «Интересно, на что это может быть похоже? – сморщил лоб Жилинский. – Какое-то расплывающееся темно-коричневое пятно. Нужно иметь весьма богатое воображение, чтобы в этом мазке разглядеть какое-то животное и уж тем более распознать в каплях кофе вестника судьбы. А ведь гаданием на кофейной гуще занимались весьма влиятельные аристократы: графы, князья, даже императорские особы. Трудно поверить, но от подтеков, оставшихся на блюдечке, порой зависели судьбы целых народов. Взять хотя бы императрицу Екатерину Великую – она любила принимать важное государственное решение, погадав предварительно на кофейной гуще. И, судя по тому, как укреплялась и расширялась империя, ошибалась она крайне редко. Занятное было времечко!»

Афанасий Жилинский всмотрелся в расплывающиеся концы кашицы: по форме кофейная гуща напоминала звезду. Если так, то его ожидает успех, но без

радости. Хотя сам бы он предпочел какое-нибудь любовное послание.

Что ж, пора выдвигаться! Перебирая несколько рубашек и джемперов, развешанных в ровный ряд, вытащил темно-синий свитер, купленный пару недель назад (все-го-то два раза надел!). Но, повертев его в руках, сунул обратно в шкаф и достал привычный – светло-серый, приобретенный еще в прошлом году. Так получилось, что при расследовании самых резонансных преступлений Жилинский бывал именно в нем, и, что самое важное, раскрывал он их в кратчайшие сроки. А два последних и вовсе были раскрыты по горячим следам. Если бы проводилась статистика быстроты раскрываемости преступлений, так он непременно оказался бы в числе лидеров.

Так было с убийством банкира Осипова, застреленного в подъезде собственного дома. Поначалу у следствия возникла версия, что преступление было заказное, но впоследствии выяснилось, что на соседней улице проживала его любовница, у которой банкир проводил едва ли не каждый вечер. Вот только ее бывший муж, оказавшийся к тому же еще и полицейским, несмотря на давний развод, продолжал испытывать к ней сильные чувства и, не выдержав мук ревности, пристрелил счастливого соперника из пистолета.

А месяцем ранее в собственной квартире был зарезан генеральный директор завода «Шинавто». Его нашли сидящим за столом в своем обычном костюме, здесь же перед ним стояла недопитая бутылка «Столичной», пара рюмок, несколько салатиков, разложенных в пластиковые тарелки, и небрежно нарезанные копченая колбаса и селедка. На первый взгляд – банальнейшее убийство, какие нередко случаются в компании подвыпивших собутыльников, оставалось только найти человека, с которым покойный коротал роковой вечер. А его следовало искать в ближайшем окружении. Но потом Афанасий Жилинский обратил внимание на то, что удар ножом был проведен точнехонько в сердце, сверху вниз, что очень трудно сделать человеку, находящемуся в сидячем положении. А судя по всему, ссора произошла как раз за столом. Да и сам внешний вид директора – выходной костюм, ботинки, перепачканные в весенней грязи (мог бы оставить и в прихожей), – не соответствовал убогому застолью. Не всякий отважится сесть в пиджаке за стол с лежащей на нем жирной селедкой. А потом эти непрезентабельные пластиковые тарелки... Посуды, что ли, в доме нет? Многие в этом убийстве выглядели странным. Версия о собутыльниках была отмечена Жилинским почти сразу. И вскоре возникла версия о недоброжелателях, которых у человека столь высокого уровня всегда было предостаточно, тем более что накануне тот произвел массовые сокращения.

Возникло предположение поискать недоброжелателей среди уволенных. Вскоре был очерчен возможный круг подозреваемых, и оставалось только вычислить человека, способного произвести столь точный удар. Таким вещам невозможно научиться, лишь перелистывая красочные страницы книг по боевым искусствам. Такой удар называется поставленным и приобретается лишь благодаря долгим тренировкам и большой практике. Покопавшись в сведениях об уволенных, Афанасий установил, что в число его недоброжелателей попал начальник планового отдела, когда-то проходивший службу в ВДВ. Копнули поглубже, и выяснилось, в это самое время он находился неподалеку от дома, где было совершено преступление. А немного позже отыскалась и улика – на брюках убитого обнаружилось несколько шерстяных ниток со свитера начальника планового отдела.

Позже следствием было установлено, что преступление он спланировал заранее. Подкараулив генерального директора подле дверей, бывший начальник планового отдела вошел следом в его квартиру и, окликнув, тотчас нанес ему удар ножом, а потом разложил на столе несколько тарелок с салатиками, нарезал колбасу.

Кроме двух убийств, за прошедшую неделю было совершено еще три ограбления магазинов. Первое несерьезное: расколотили витрину ювелирной лавки кирпичами и вытащили из-под прилавков драгоценности. Нестыковка заключалась в том, что лучшие вещи, как это ни странно, остались по-прежнему лежать на своем месте, а бижутерия, громоздкая, с огромным количеством полированного стекла, вдруг оказалась востребованной. Причем грабители даже не постарались открыть сейф, где хранилась недельная выручка и несколько ювелирных вещей эксклюзивного характера. Просто подергали за ручку сейфа, поковырялись в замке каким-то шилом и уже от отчаяния насовали в замочную скважину спичек. А ведь замок был несложный, и при определенном навыке его мог бы открыть заурядный домушник.

Афанасий Жилинский тотчас выдвинул версию о том, что ограбление совершили дилетанты и действовали спонтанно, похватав первое, что попало под руку. Более опытный грабитель не ошибся бы в выборе драгоценностей, всем стекляшкам предпочел бы драгоценные камни и золото и уж наверняка попытался бы вскрыть сейф, действуя отмычками. Следовательно, это могли быть подростки, действующие импульсивно. В конце концов так и оказалось. Правда выяснилась уже через день, когда на блошином рынке оперативникам удалось обнаружить пропавшие из ювелирного магазина изделия. Ниточка

привела к семнадцатилетнему учащемуся техникума. После пяти часов, проведенных в «обезьяннике» полицейского участка, парень стал покладистым и рассказал в мельчайших подробностях обо всех перипетиях прошедшего дня. Идея ограбить магазин возникла стихийно. Была ночь, нечего было делать, и рядом оказалась груда битых кирпичей. Он даже не мог вспомнить толком, кто первый швырнул камень в окно магазина. А после, когда стекла были выбиты, неорганизованной оравой ворвались в магазин, переколотив на своем пути витрины, стулья, столы, стенды.

Так что через три дня уже изловили всю группу. Были мальчишечьи сопли, обильные слезы, долгие разговоры с родителями и их клятвенные заверения возместить ущерб. Но, как бы там ни было, преступление совершено, а потому за него придется отвечать, а как там распорядится суд, собственно, дальнейшее не его дело. Свою часть работы он выполнил. Бестолковка на плечах должна соображать: прежде чем швырнуть камень в стекло, следует подумать.

Если кто-то внимательно следит за гардеробом Жилинского и показателями в работе, то непременно должен отметить закономерность: как только он является в этом свитере на службу, так непременно в кратчайшие сроки раскрывает преступление. Возможно, что все это и случайность, но трижды он прибывал на место убийства в новом пиджаке – и впоследствии надолго увязал в сложных запутанных делах. А одно из них так и вовсе вылилось в откровенный «висяк».

Вот только что он будет делать, когда любимый свитер протрется до дыр? Видно, придется что-нибудь придумать... Например, можно будет выдернуть из него несколько ниточек, поместить их в какой-нибудь медальон и носить его на шее на расследование преступлений.

Шутки шутками, но к добрым приметам следует относиться уважительно. Так уж получается, что успех невольно связываешь с какими-то внешними причинами. Один раз надел случайно желтый неказистый плащ – и вдруг неожиданно раскрыл сложнейшее преступление. Что остается делать? Носить этот плащ в любую погоду, чтобы и дальше привораживать капризную удачу. А уж если вдруг не повезло, так ищешь причину в костюме, купленном накануне. Его уже больше и не наденешь!

Тщательно осмотрев свитер, Афанасий отметил, что вещь еще добротная и при должном обращении сможет прослужить еще с полгода. Повертелся в нем перед

зеркалом, отметив, что свитер растянулся всего лишь на локтях, так что длиннополая куртка будет уместна в ветреную погоду и легко скроет следы продолжительной носки.

А странно все-таки устроена человеческая природа. Шкаф забит новой качественной одеждой, а вот предпочтение почему-то всегда отдается одной, уже порядком поношенной вещи (была бы жена, глядишь, что-нибудь и присоветовала бы). Это как привязанность к женщине: иному она покажется обыкновенной, а для тебя будет особенной.

Жилинский быстро спустился с пятого этажа по крутым ступеням (можно было бы, конечно, добраться на лифте, но пешком как-то для здоровья полезнее). Уже выходя из подъезда, он едва не столкнулся с мужчиной бомжеватого вида, от которого так и перло застоявшимся перегаром. Вот живут же люди, никуда не торопятся!

– Послушай, братан, – прошипел бомжеватый мужичок, – у тебя не будет сигаретки?

Афанасий со снисхождением относился к человеческим слабостям. Ведь одинаковых людей не бывает. Одни люди любят плотно поесть, другие – в выпивке хороши, третьи – по бабам специалисты; четвертые – марки собирают; пятые – выкурить за чужой счет не дураки. Возможно, в любое другое время он бы без промедления угостил мужика сигареткой (не бог весть какие деньги!), но в этот раз отчего-то накатило раздражение, к горлу подперла досада, и Жилинский небрежно бросил:

– Что я тебе, магазин, что ли?

Мужчина почтительно отступил в сторону, уяснив, что повстречал серьезного человека:

– Понял. Извини...

А Жилинский, перебирая в пальцах ключи, уверенно подошел к машине. Сигнализация коротко и обрадованно щелкнула, подчиняясь воле хозяина.

Ехать предстояло в противоположный конец города, а с учетом бесконечных пробок банальная на первый взгляд езда приравнивалась к подвигу. Вопреки ожиданию, полтора часа, потраченных на борьбу с пробками, пролетели незаметно и воспринимались как небольшое приключение: дважды в него едва не врезались автофургоны, двигавшиеся по встречной полосе; трижды он увернулся от прямого удара в дверцы, а один раз его едва не зацепила машина, выскочившая откуда-то сзади. Так что можно сказать, что он добрался без особых приключений. А то, что рубашка от напряжения насквозь вымокла, так это всего лишь бесконечно малая величина, которой можно было пренебречь.

Между густыми деревьями просматривалась темно-красная крыша здания банка «Заречье». Перед входом разбита небольшая стоянка, на которой размещалось с десятков машин. Интересно, какая тут может быть работа после ограбления? Наверняка все сотрудники, напуганные рыком начальства, сидят по кабинетам и боятся шелохнуться.

Под пристальным взглядом охранника Жилинский завернул на стоянку. Тот ленивой походкой приблизился к подъехавшей машине, но вопрос, уже было сорвавшийся с языка, был проглочен, едва Афанасий показал удостоверение, – чинно заложив руки за спину, охранник потопал в противоположную сторону.

Народу перед зданием оказалось куда меньше, чем предполагалось: начальник полицейского участка вместе со своими замами (ну этим-то по чину положено); из уголовного розыска плотной кучкой – один подполковник и три майора; два полковника из отдела по экономическим преступлениям; несколько оперативников, державшихся чуть поодаль от остальных. И еще с пяток персон, которых Жилинский просто не знал. Через час об этом преступлении заговорят в России все, а потому отметиться стремились едва ли не все силовые ведомства. Так что из следственного комитета он был единственным представителем. Но надо полагать, что часом позже сюда подъедут люди поважнее. Без них не обходится ни одно посткриминальное шоу. Басовитых голосов и сомкнутых бровей вскорости будет предостаточно.

Скорее всего, основная работа происходит внутри – экспертам сейчас есть над чем потрудиться.

Едва Афанасий Жилинский вышел из машины, к нему тотчас направился крупный подполковник с литыми плечами. Китель ему был явно маловат, и оставалось лишь только удивляться, почему он не расползается по швам при

любом движении.

– Полковник юстиции Жилинский, из управления по расследованию особо важных дел? – спросил подошедший, стараясь смотреть прямо в глаза.

– Он самый, – подтвердил Афанасий. – Следователь по особо важным делам полковник Жилинский.

– Я как раз вас жду... Подполковник Северцев... Глеб Петрович, из уголовного розыска. Меня уже предупредили, что вы должны появиться с минуты на минуту. Приказали вас дожидаться. Вот я и выставил людей в оцепление.

– Все правильно, – отозвался Жилинский.

Ему хотелось произнести это бодрее, по-приятельски, что ли, но откуда-то вопреки его воле тон приобрел значимость.

– Пойдемте, я вас провожу к месту...

Подполковник был косолап, что особо было заметно при его быстрой ходьбе. Но двигался он проворно, даже не задыхался.

– Расскажите в двух словах, что здесь произошло, – попросил Жилинский.

– Об ограблении банка охране стало известно около восьми часов утра, – энергично заговорил подполковник. – Пришла смена и увидела на втором этаже вырезанное стекло. Вот посмотрите туда, – показал он на проем в окне второго этажа, через который просматривался вместительный зал и две разросшиеся пальмы, стоявшие в глубине.

– Давайте взглянем, – сказал Жилинский и уверенно, здороваясь со знакомыми офицерами, направился к выставленному окну.

Подполковник косолапо перебирал коротенькими ногами, не отставая от стремительно передвигавшегося Жилинского. Остановившись у металлической ограды, Афанасий спросил:

– Кому принадлежит этот сад? Банку?

– Нет. Звонареву, он заместитель префекта. Но его сейчас здесь нет, он находится за городом. Там у него коттедж.

Жилинский понимающе кивнул: такой оазис может принадлежать человеку небедному, с большими связями, как же может быть иначе! Тихий уголок, по нынешним деньгам – настоящий Клондайк. Прямо даже трудно поверить, что такие частные владения, включая роскошный сад, могут еще существовать едва ли не в самом центре Москвы. И ведь никто не оттяпал у него кусок земли, не покусился поставить здесь доходный дом или возвести офис. Господин Звонарев радеет о природе, как и положено человеку государственному, вот оттого и произрастают яблоневые деревья с невиданной силой, как если бы их ежегодно и со всех сторон обкладывали навозом. Он бы и сам хотел поживать в таком тихом местечке, подальше от основных дорог, но, видно, его планида – всю жизнь провести на последнем этаже, с перелатанной крышей, через которую каждую весну хлещет вода.

– Я вижу за деревьями строение. Кто же там живет?

– В нем проживает его дочь с зятем. Но сейчас их там нет, они где-то отдыхают, кажется, на Бали.

– Через этот забор есть лаз, – спросил Афанасий, – чтобы подойти поближе к банку, через сад?

– Да, имеется, – с готовностью ответил толстяк, – мы уже проверяли, нужно зайти вот за эту ограду, – показал он рукой. – Я там тоже поставил людей, чтобы посторонние не ходили.

– Разумно. Пойдемте, – сказал Жилинский и зашагал вдоль изгороди.

Дыра в заборе была спрятана между разросшимися кустами, и ему пришлось изрядно поцарапать ладони о торчащие ветки, прежде чем удалось добраться до места. Жилинский мысленно похвалил себя за предусмотрительность, решив надеть куртку из крепкой ткани.

– Вот по этой тропе они и прошли, – сообщил полицейский.

– Вижу, – буркнул Жилинский, оглядываясь. – Наверняка где-то за теми кустами они должны были оставить машину, – предположил он, махнув в сторону близлежащего дома. – Свидетелей не нашлось? Может, кто-то чего-то видел?

– Обычно такие дворы бывают заставлены машинами: ставят свои и чужие, сказать что-то конкретно очень сложно, – понизив голос, виновато произнес подполковник, как если бы он был повинен в огромном количестве автолюбителей. – Обнаружился только один свидетель, он видел, как ближе к полуночи во двор въехала легковая автомашина, предположительно «Опель», темно-зеленого цвета.

– Вы с ним еще не беседовали? – спросил Жилинский.

– Переговорил.

– Хорошо, давайте тогда сначала к нему, теперь я его послушаю. Где он?

– Стоит во дворе. Я вас провожу, – с готовностью отозвался подполковник и уверенно потопал через кусты по узенькой тропе.

В небольшом дворе жилого дома, собравшись в неровный круг, стояли несколько мужчин и о чем-то разговаривали, энергично жестикулируя руками. Иной раз кто-то из них поворачивался в сторону банка и кистью, в которой дымилась зажженная сигарета, показывал в сторону второго этажа. Среди них выделялся один – тощий, как сухой ковыль, в клетчатой рубашке, наброшенной на костистые угловатые плечи. Через расстегнутый ворот пробивался кустик рыжеватых с проседью волос. Резко размахивая руками, он что-то горячо говорил, то показывая на разросшиеся кусты, а то кивая в сторону крыльца банка, где народу за последние десять минут значительно прибавилось.

Несложно было догадаться, что этот мосластый человек и есть «герой дня» и в настоящее время просто упивается собственной востребованностью среди жильцов дома.

Северцев вышел из-за кустов, глухо выругавшись, смахнул с лица прилипшую паутину и бодро произнес:

– Василий, подойди сюда!

Мосластый дядька энергично кивнул, потом, разведя плечами, что-то сказал своим приятелям: дескать, не может полиция без меня справиться, придется подсобить – и энергичным шагом заторопился на призыв.

– Вот что, Василий, – добавив строгости в голос, сказал толстяк, – расскажи, что ты там видел вчера ночью? Следователь из прокуратуры интересуется.

– Ага, – с готовностью отозвался мосластый. Запустив руку под рубаху, он усиленно зачесал торчавший пук волос и заговорил: – Значица, так... Я как раз домой возвращался. С ребятами малость засиделся... – От тощего потянуло крепким перегаром, но не тот случай, чтобы кривить нос, так что ради дела можно и перетерпеть. И подполковник уверенно держался, даже носом не повел.

– Я это понял, – перебил подполковник Северцев, – продолжай дальше. О главном говори.

– Тут подхожу я к дому, а там в дальних кустах машина какая-то стоит. Думаю, что за дела, куда это он полез? У нас ведь никто туда машину не ставит, там ведь у нас лужайка разбита, детская площадка с песочницей, а этот приперся! Мы всем двором решили это место не занимать. Я еще ближе подошел, думаю, надо поговорить с этим нахалом, в глаза ему посмотреть, устыдить, – с чувством произнес Василий. – А потом думаю: а на какой хрен мне это надо? Детей-то у меня нет! Пусть разбираются, кому это положено. Еще неизвестно, что там за люди сидят... Вот я и ушел.

– Понятно, – спокойно отозвался следователь. – А вы случайно не рассмотрели марку машины?

– «Опель» это был, – уверенно произнес мосластый, показав в кривой улыбке щербатый рот. – У моего свояка точно такая же! Он все ее хвалит, а я так думаю, лучше нашего «уазика» ничего не сыщешь! Везде пройдет!

– А цвета какого?

– Сказать сразу трудновато, все-таки это ночью было. Но кажется, темно-зеленого.

– А может, вы рядом с машиной видели каких-то людей?

– Баба там была!

– Вы уверены? – переспросил Жилинский.

– Это точно! Машина без света стояла. А внутри кто-то шевелился. Думал, может, уединилась парочка, и такое бывает. А потом задняя дверца открылась, и из нее баба какая-то выскочила и в ту сторону пошла, – махнул он рукой в сторону банка.

– Точно это была женщина? – переспросил Жилинский.

– Разве я бабу от мужика отличить не могу? – едва не обидевшись, ответил мосластый. – Бедрами так закачала, что у меня дыхалку всю сперло.

– Это оттого, что куришь много, – строго заметил подполковник, – бабы тут ни при чем.

– Если бы я не курил, так был бы таким же толстым, как ты, Петрович, – смеясь, ответил мосластый.

Поймав недоуменный взгляд следователя, подполковник Северцев пояснил:

– Мы с ним десять лет за одной партией просидели.

– Друзья, значит, – протянул Жилинский, задумавшись о чем-то своем.

– Можно и так сказать.

– Значит, свидетелей больше не обнаружилось?

– Мы тут многих порасспрашивали. Но как будто бы никто ничего не видел.

– Ладно, все ясно, – кивнул Афанасий, – давайте посмотрим на месте.

Не дожидаясь ответа, Жилинский зашагал по тропе, ведущей прямоком к проему. Не иначе как пацаны протоптали, когда за яблоками лазали... Подошел к месту, где стояла машина: трава подле кустов была примята, и в грязной лужице отчетливо отпечатались протекторы шин. Вне всякого сомнения, следы от иномарки – слишком красивый узор. Хоть фотографируй да на стену потом вешай вместо картин!

Согнувшись, Жилинский ковырнул пальцем след – совсем свежий, вполне мог быть оставлен машиной, что дожидалась здесь преступников, ограбивших банк. Надо будет сказать экспертам, чтобы поработали на стоянке, может быть, что-нибудь и откопают интересное. Среди примятой травы следователь рассмотрел несколько пар следов от обуви, некоторые из которых просто пересекали площадку, уходя куда-то в неизвестность, в глубину двора, явно принадлежавшие посторонним людям. Его интересовали те, что топтались на одном месте, – этими людьми вполне могли быть преступники.

Увлечшись осмотром, Афанасий не заметил, как наступил в глубокую лужу, увязнув по самые щиколотки.

– Вы бы поосторожнее, товарищ полковник, – предупредил толстяк. – Дождь был, тут грязь повсюду.

– Я уже догадался, – буркнул Жилинский, – вляпался тут... По самые... Черт!

По крайней мере, тут было три пары ног. Успели натоптать. Один след, отпечатавшийся у самых протекторов машины, был особенно интересен – нажим приходился на носки (так получается, когда спускаешься со ступеньки или с водительского кресла). Потоптавшись на пяточке земли, две пары ног потянулись в сторону проема. «А это еще что такое? – присел он на корточки. – Похоже на шпильки». Так оно и есть – женский след! Значит, этот Василий не соврал. Нога у незнакомки предположительно тридцать седьмого размера.

Как же тебя звать-величать, красавица?

Подполковник не вмешивался, стоял в сторонке, выражая сочувствие исследованиям Жилинского тяжеловатым посапыванием.

– Товарищ следователь, – услышал Жилинский за спиной вкрадчивый негромкий голос.

Повернувшись, Афанасий увидел невысокого молодого мужчину лет тридцати, на узких бледных губах которого застыла смущенная улыбка.

– Вы что-то хотели сказать?

– Дело в том, что я живу в этом доме, – показал он на высотку, стоявшую за спиной.

– Я вас слушаю, – выпрямился Жилинский. – Вы что-то видели? – спросил он как можно мягче, желая расположить к себе собеседника. Даже улыбнулся, стараясь прибавить собеседнику храбрости.

– Мне кажется, я видел людей, ограбивших банк.

Столь откровенная удача случается не всякий день, ее важно не спугнуть. Птица-то капризная, возьмет и взмахнет на прощание крылом.

– Вот так, – произнес Афанасий спокойным голосом, почти без всяких интонаций. – И на каком этаже вы живете?

– На предпоследнем.

– Высоко... Расскажите, что вы видели.

– Дело в том, что у меня есть скверная привычка работать по ночам. А потом я веду большую переписку с друзьями в онлайн. Кто-то из них в Америке живет, кто-то на Дальнем Востоке. У нас глубокая ночь, а у них уже день, вот и изворачиваюсь, чтобы пообщаться. А тут как-то вышел на балкон, немного свежим воздухом подышать, ни о чем серьезном не думаю, просто стою курю, наслаждаюсь жизнью – и вдруг какой-то звон слышу. Не то чтобы стекло

разбили, а как будто его зацепили, что ли. Возможно, если бы это было днем, так я бы на это даже внимания не обратил, слишком много различных звуков: машины гудят, крики со стороны улицы раздаются, телевизор работает, да мало ли еще чего может быть! А тут ночь, машина, никого нет. Вот поэтому я его и услышал, он очень отчетливо прозвучал. Я посмотрел в ту сторону, откуда звон раздавался, и увидел на балконе банка мужчину, собравшегося влезть в оконный проем. Он хорошо был виден. Не знаю почему, может, на фоне белого здания, а может, потому, что луна выглянула. Он постоял немного, как будто к стекольному звону прислушивался, а потом внутрь шагнул. Признаюсь откровенно, у меня сначала даже мыслишка такая промелькнула: а может, это какие-нибудь грабители? А потом подумал: какие тут могут быть грабители! Это ведь не Дикий Запад, не дилижанс какой-нибудь, который могут ограбить. Если бы чего произошло, так полиция наверняка бы уже подъехала. А тут они свободно так действовали, без суеты, как если бы работали в этом самом банке. Тогда я предположил, что это какие-нибудь рабочие, в дневное время не сумели стекло поменять, все-таки народ, суета, вот поэтому решили оставить на ночь. Я сигарету докурил и в комнату вернулся, а вот утром уже вспомнил про этого мужчину, когда узнал, что банк ограблен.

- Значит, вы видели, как он входил в проем, а как выходил из него, не заметили?

- Нет... - пожал плечами собеседник. - Мне по скайпу позвонили, я ушел и больше не возвращался. Почти до утра разговаривал.

- Что ж, вы нам очень помогли. В какой квартире, вы говорите, живете?

- В шестьдесят третьей.

- Вы не будете возражать, если мы к вам наведаемся как-нибудь?

- Чем смогу, тем и помогу.

Мужчина ушел.

- Давайте вернемся обратно, взглянем, что там происходит под этим балконом. Должны же остаться какие-то следы!

Миновали коридор сквозь разросшиеся кусты, ветки которых так и норовили ободрать лицо, и вышли к проему, который Жилинский перескочил без видимого усилия.

Подошедший подполковник занервничал, ухватившись за прутья, попытался втиснуть в проем свое огромное тело. Заметив сочувствующий взгляд Афанасия, грустно пожаловался:

– Не повезло мне с комплекцией. С детства с ней мучаюсь. Набедокурим где-нибудь, все пацаны проскочат через дыру, а я обязательно застряну. Вот мне и достается больше всех.

– Уж не поэтому ли вы потом пошли в полицию? – улыбнулся Афанасий.

– И поэтому тоже, – буркнул толстяк.

– Вы можете не ходить, я и без вас могу справиться, – серьезным тоном отозвался Жилинский, погасив улыбку.

– Ничего, как-нибудь попробую. Если плечи пройдут, так и все остальное должно протиснуться, – заверил Северцев, пытаясь втиснуть между прутьями голову. – Ага, голова проскочила! Кажется, начинает получаться. – Огромный живот спелым арбузом выпирал из-под мундира и никак не желал проходить в сравнительно узкий проем. – Что-то и голова назад не идет. Вот будет дело, если меня с помощью МЧС станут извлекать из этого забора. В управлении засмеют! Нет, надо сбрасывать вес, а то так не годится, – пожаловался подполковник.

От чрезмерного усилия его шея побагровела, на широком лбу выступили капельки пота. Не то прутья погнулись, не то каким-то образом живот уменьшился в объеме, но после нескольких минут изнурительного труда подполковник проскользнул сквозь прутья.

– Вы не представляете, какого труда мне это стоило, – тяжело дыша, произнес подполковник.

– Могу вам только посочувствовать.

– Обратную дорогу мне, видно, предстоит преодолевать через забор, – предположил Северцев.

– Вам виднее, – сдержанно ответил Жилинский, представив многопудовое тело подполковника, повиснувшее на кольях.

К прутьям балкона была привязана крепкая веревочная лестница, концы которой едва касались земли.

– Вот по этой лестнице они и забрались на балкон, а дальше через проем в окне вошли внутрь банка, – сказал Северцев.

– Вижу, – буркнул Жилинский, подступив поближе.

Внизу буйно произрастала неухоженная трава, топорщился репей – не столь часто хозяин участка заглядывает в этот уголок, выглядевший в окружении асфальта почти заповедным. Натоптано лишь под балконом, да и то немного, а стало быть, действовали быстро, оперативно, не совершая лишних телодвижений. А это еще что такое? Ага, смятая пачка сигарет. Она лежала на огромном лопухе, как фирменное блюдо на подносе у официанта, и дожидалась своего часа, чтобы на нее наконец обратили внимание.

Пачка не испорчена влагой, следовательно, была выброшена совсем недавно. Вокруг высоко поднявшейся травы никаких следов – ее могли выбросить только с балкона, и сделать это мог лишь преступник. Осторожно подняв пачку сигарет, Афанасий положил ее в пластиковый пакет: нужно будет отдать экспертам, пусть дадут по ней свое заключение. Может, всплывет нечто интересное.

– Нашли что-нибудь? – заинтересованно спросил подполковник, державшийся на почтительном расстоянии от места преступления.

– Сейчас сложно сказать. Нужно будет проанализировать, – сдержанно ответил Жилинский, опасаясь спугнуть удачу, сделавшую крохотный шаг навстречу. – Банк ограбила группа, это ясно. Не меньше трех человек. Один из них как-то взобрался на балкон, привязал к прутьям лестницу и дал возможность взобраться остальным участникам преступной группы. Только вот непонятно, как этот первый сумел взобраться по отвесной стене? Даже если посадить его на плечи, то до балкона все равно не дотянуться, высоко! – в недоумении

проговорил следователь по особо важным делам, посматривая на второй этаж.

– Я думаю, что он взобрался по стене, – сказал подполковник. – Посмотрите, там следы есть?

– А вы, однако, глазастый, – невольно подивился Жилинский, – я стою в двух метрах и рассмотреть не могу.

– А потому что как раз очень близко стоите, вот и не видите, – живо ответил подполковник. – А вы отступите на несколько шагов назад.

Стараясь не натоптать, Жилинский отошел на десяток шагов. Действительно, теперь он отчетливо различал небольшие черные полоски, оставленные, по всей видимости, подошвами ботинок.

– Верно, имеются, – задумчиво протянул полковник. – Получается, что он взобрался по стене? Ловко! Он что, скалолаз, что ли?

В оконном проеме показалась чья-то физиономия, но, заметив полковника юстиции, столь же неожиданно пропала.

Встав на выступ в стене, Жилинский попытался подняться до следующего углубления, но тотчас скатился вниз, едва не разорвав брюки. Можно сказать, что следственный эксперимент прошел удачно: при должной сноровке вполне реально взобраться на балкон второго этажа, а уже через него проникнуть внутрь банка.

Вот только как им удалось обойти сигнализацию?

– Что ж, давайте теперь пройдем в банк, – сказал Афанасий Жилинский. – Интересно взглянуть, чего они там наворотили.

При мысли об обратной дороге на лице подполковника отобразилось кислотоватое выражение:

– Да, конечно... Эх, всегда завидовал худым.

Легко проскочив в проем, Жилинский не стал лишать себя удовольствия – решил понаблюдать за стараниями подполковника пролезть. Ему явно нужно садиться на жесткую диету. В самой выпуклой части живота что-то треснуло, и в кусты подорожника пульнула вырванная с мясом пуговица. Северцев крикнул разок и каким-то невероятным образом протиснул упругий живот в лаз.

– Давно через дыры в заборе не пролезал, – произнес подполковник, догоняя быстрым шагом Жилинского, направившегося в сторону банка. – Наверное, с самого детства.

– Ничего, у вас еще все впереди.

Распахнутые настежь двери банка были прижаты огромным булыжником. Как всегда бывает в минуты большой беды, присутствующие разговаривали едва ли не шепотом, как если бы дожидались выноса покойника.

Отдельной группой теснились банкиры, о чем-то негромко переговаривающиеся. Финансовый бизнес во многом основан на конкуренции, зачастую переходящей в откровенный антагонизм (в иные дни они готовы перегрызть друг другу горло), но сейчас подъехали многие управляющие и директора, чтобы выразить сочувствие коллеге, а заодно узнать подробности случившегося.

Жилинский вошел в открытую дверь. Осмотрел холл, в углу которого сидела понурая охрана, надо полагать, что именно эти парни дежурили ночью. Видно, мечтали выспаться, а тут все обломилось. Так что этим ребятам в ближайшие несколько часов будет не до сна.

Афанасий уже было направился в их сторону, как вдруг его кто-то окликнул:

– Афанасий Николаевич!

Повернувшись, он увидел молодого мужчину, немногим более сорока, в добротном темно-сером костюме. В нем он сразу же узнал следователя ФСБ подполковника Кирилла Анисимова. Последние несколько лет они часто пересекались по службе, в прошлом году дважды – весьма плотно, работали в объединенной группе ФСБ и прокуратуры. Сначала занимались расследованием взрывов в московском метро, где Жилинский работал параллельно с Анисимовым, что впоследствии принесло плоды. А во второй раз,

совсем недавно, они искали серийного маньяка. В последний раз ФСБ действовала на правах старшего брата, подключившись где-то в середине расследования, и работала в качестве координатора между различными службами, включая следственный комитет и уголовный розыск. Эпизодов с убийствами было столь много, что работы хватало на всех. Руководителем объединенной группы назначен был Анисимов, за которым вскоре закрепилось прозвище Бульдозер.

Нельзя сказать, что в своем деле Кирилл Анисимов был середнячком, скорее наоборот – весьма энергичен, имел хорошую интуицию, немалый опыт; за его плечами была масса успешно проведенных дел, в том числе прозвучавших на всю Россию. Но беда его заключалась в том, что он не терпел чужого мнения и практически не отступал от выбранной версии. Так что после последней совместной работы в их отношениях возникло нечто похожее на охлаждение.

Хотя бывал и великодушным... Так, например, работа по расследованию взрывов в московском метро могла стать последней в карьере Жилинского. В тот раз у него нашлось немало высокопоставленных недоброжелателей, которые посчитали, что он недостаточно профессионально ведет следствие. Только серьезное вмешательство Анисимова позволило ему избежать увольнения. Впоследствии, вроде бы в шутку, Кирилл не однажды спрашивал его, когда же смежник собирается отдать должок. Афанасий рассчитывал вернуть его в ближайшее время.

Он старался выглядеть радушным, хотя понимал, что с каждой встречей быть любезным ему становится все труднее. Изобразив на лице нечто вроде улыбки (что ж, иногда ради общего дела приходится становиться изощренным политиком), произнес:

– А ты здесь какими судьбами? По делу или из любопытства?

Вопрос был излишним, с некоторой заявкой на шутку. Люди такого калибра, как Кирилл Анисимов, бездельем не мучаются и уж тем более не любопытствуют: им бы со своими делами справиться, чего же на чужие поляны поглядывать!

– У меня здесь свой интерес, – ровным голосом ответил Анисимов. – Но слышал, что это дело поручили тебе.

– Значит, решил проведать старого друга?

– Получается, что так.

Со стороны их диалог звучал как обыкновенный обмен любезностями между старинными приятелями, но в действительности они говорили с искусно запрятанной ехидцей. Вряд ли Анисимов скучал по своему сослуживцу, а уж если вспоминал, то лишь в контексте с ядовитыми эпитетами.

Кирилл Анисимов был «важняк». Мелочовкой он пренебрегал. Хотя расследование ограбления банка само по себе дело не из легких, но вполне можно было обойтись и прокуратурой, следовательно, в этот раз присутствовало нечто большее, чем презренные дензнаки. Это могли быть камни первой группы: алмазы, александриты, изумруды. Некая «триада», на которой держится весь большой ювелирный бизнес. Так уж повелось, что ими всегда интересовалась контора, воспринимая как стратегическое сырье. Но вот только какие именно камни находились в хранилище?

Изумруды? Но шахты, где водятся изумруды, в настоящее время законсервированы. Отсутствует размах, в промышленных масштабах их не отыскать. А значит, отпадает.

Александриты? Хорошего качества александриты встречаются крайне редко. Это ведь не кимберлитовые трубки, откуда алмазы можно выносить килограммами. На промышленное дело александриты не потянут, а такой зубр, как Анисимов, не стал бы разминивать свое время на мелочовку.

«Неужели из банка вытащили алмазы? – Жилинский почувствовал, как от догадки у него даже поднялась температура. – Вот где может быть масштаб!»

– Что-то не замечал я за тобой сентиментальности, – нахмурился Афанасий. – Почему ты здесь? Алмазы?

Полноватые губы Кирилла Анисимова, как если бы в них вкололи полкило силикона, расплзлись в довольной улыбке:

– Я всегда считал, что в прокуратуре работают способные люди. Верно, алмазы...
Давай отойдем немного в сторону.

Пожав плечами, Жилинский проследовал за полковником, отступившим к окну.

– Когда мне сказали, что ты будешь заниматься этим делом, я обрадовался, – продолжал Кирилл. – Более въедливого человека, чем ты, отыскать трудно. А это в нашем сыском ремесле большой плюс.

– Речь идет о переподчинении? – задал Жилинский вопрос, возникший сразу, как только он увидел Анисимова. Хотел выглядеть как можно равнодушнее, но почувствовал, как правое веко начинает дергаться. Интересно, заметил ли этот невроз Анисимов?

Капризные губы Кирилла дрогнули в снисходительно-понимающей улыбке:

– Речь не идет о подчинении. Каждый будет работать по своей версии. Но уж если у тебя появится что-нибудь интересное, то здесь все-таки нужно будет поделиться, – Анисимов продолжал излучать радушие. – Не забыл, за тобой должок?

Вряд ли Кирилл захочет топтаться в хвосте, не тот типаж. Он из тех людей, что привыкли загребать жар чужими руками. И уж если отыщется что-нибудь подходящее, способное раскрыть ограбление, так обязательно отыщется благовидный предлог забрать у него перспективное дело.

– Не забыл... Надеюсь, ты тоже со мной поделишься информацией, – серьезно сказал Жилинский.

– Конечно, мы же над одним делом будем работать. А уж славу, – глаза хитро сузились, – мы как-нибудь поделим.

– Договорились, – ответил Жилинский.

Посмотрев на часы, Анисимов продолжил:

– Я тут уже посмотрел, кое-какое представление у меня сложилось, ну а тебе будет полезно побродить, потом обменяемся впечатлениями. Мне тут еще кое-куда надо съездить. Поговори с управляющим банка – весьма любопытная личность!

– Хорошо, – ответил Жилинский и почувствовал невероятное облегчение, когда Анисимов, едва кивнув на прощание, заторопился к выходу.

Помещение ожило в тот самый момент, когда за Анисимовым захлопнулась дверь. Где-то поблизости хлопнула форточка, возвращая в действительность. За спиной раздался продолжительный кашель, бухнул, сотрясая помещение, опрокинутый стул, в банк, громко пытая, вошел поотставший подполковник.

От стены отделился плотный человек, немногим более тридцати лет, в черном костюме, и направился напрямиком к Жилинскому.

– Простите, вы полковник юстиции Жилинский? – спросил мужчина.

– Он самый. А вы кто?

– Я начальник службы безопасности банка Алексей Павлович Михалев. Меня попросили вас встретить и проводить к управляющему банка.

– Хм... У него банк взломали, а он все еще в кресле сидит, – сдерживая раздражение, ответил Жилинский. – Разве бывает такое? А ваш управляющий не боится, что оно может из-под него... выскочить?

– Так что ему передать? – спросил начальник службы безопасности несколько обескураженно.

– Скажите, что я его жду в хранилище, – хмуро отозвался Жилинский, – и пусть поторапливается, у меня не так много времени! Кстати, а где эти горе-секьюрити, что охраняли банк в прошлую ночь?

Махнув рукой двум молодым мужчинам, стоявшим у входа, Михалев сказал:

– Подойдите сюда.

– Значит, это вы дежурили в день ограбления банка? – спросил Жилинский, когда они подошли с понурым видом.

– Да, – сдавленно ответил тот, что был постарше.

– Как вас зовут?

– Меня – Потап Никифоров, а его – Архип Волостнов.

– Кто старший смены?

– Я.

– Как давно здесь работаете?

– Пошел четвертый год.

– Расскажите, что здесь произошло ночью. Такое впечатление, что грабители просто перелезли через балкон, выпотрошили хранилище, а потом так же беспрепятственно удалились. Неужели никто ничего не слышал?

Потап едва заметно пожал плечами:

– Ночью вроде бы все было как обычно, никто не шумел. Пробежали добросовестно... Потом пришел сменщик и спросил, почему стекло на втором этаже вырезано.

– Ну а вы что?

– Мы даже сначала ему и не поверили. Это у него шутки такие своеобразные, – ухмыльнулся Потап. – Один раз он сказал, что запасную дверь банка высадили какие-то взломщики, в другой раз заявил, что видеосистему украли, а в этот раз спросил, почему нет стекла на втором этаже... Честно говоря, мы даже не хотели идти, устали от его шуток. Но он настоял, и мы поняли: произошло что-то серьезное. Я попросил Архипа остаться, а сам вышел вместе с ним, и действительно на втором этаже увидел вырезанное стекло.

– А как он увидел проем? Ведь это же за углом здания, и к тому же его мешают рассмотреть деревья.

– Все так... У Игоря машины нет, добирается на автобусе и до банка идет пешком мимо окон. Может, шутки у него и дурацкие, но парень он глазастый. Этого у него не отнять.

– Итак, вы увидели, что стекло вырезано. Что же вы тогда предприняли?

– Я ведь и не думал, что случилось ограбление. Посчитал, обыкновенное хулиганство, полагал, что выставили стекло. Правда, удивился, что не сработала сигнализация. Но мало ли чего... Может, какой-то сбой в системе случился. Но сделал все, что положено по инструкции, сообщил о произошедшем ЧП в полицию, затем своему руководству, начальнику службы безопасности Михалеву. Потом мы осмотрели банк... Но ничего не увидели, кроме высаженного стекла и лестницы на балконе.

– Вы не стали спускаться в хранилище?

– Нет, я должен был дождаться полицию. Но у меня тогда и мысли не было, что хранилище могут взломать! Оно ведь неприступное!

– Вы изучили видеозаписи?

– Да, – признался Никифоров.

– И что же вы обнаружили на них? – с интересом спросил Жилинский.

– Ничего... Ровным счетом! Да и охранные системы функционировали в обычном режиме.

– И что было потом?

– А потом подъехала полиция, – кивнул Потап на подошедшего подполковника Северцева. – Я вытащил ключи, и мы вместе пошли в хранилище.

– Все так и было, – хмуро согласился подполковник. – Мы спустились в лифте вниз и увидели, что хранилище ограблено. На полу лежали поломанные ящики, холщовые мешки, оберточные бумаги. Вы все это сами увидите.

– Разумеется. Как они проникли в хранилище и незамеченными прошли мимо вас?

– Не знаю... Ни одна из камер не зафиксировала их передвижения, а сигнализация не сработала, – ответил Никифоров.

– Действительно, все выглядит очень странно. Может, вы заметили во время вашего дежурства что-нибудь необычное? Скажем, какой-то шум или, может быть, незапланированный визит?

Никифоров некоторое время молчал, морщив лоб, а потом сказал:

– Нам показалось, что где-то рядом треснуло стекло, – произнес Потап. – Я попросил Архипа взглянуть, что там. Он вышел, посмотрел, но ничего необычного не обнаружил.

– Значит, треснуло стекло? – заинтересованно спросил Жилинский и повернулся к худощавому парню, стоявшему рядом: – И что же вы увидели, когда вышли?

Архип казался смущенным, что-то в его поведении было не так.

– Особенно ведь и не разберешь... ночь была, – ответил он, отводя взгляд. – Хотя, когда я обходил здание, ко мне подошла девушка, – произнес он неохотно.

– И чего же она от вас хотела?

– Сказала, что заблудилась. Просила показать, где находится Рязанская улица.

– И вы ей показали? – спросил полковник.

Пожав плечами, парень уныло произнес:

– А чего особенного? Показал, в какую сторону ей нужно идти. Не отворачиваться же...

– Понятно, не отворачиваться, – протянул Жилинский. – Как она выглядела?

– Симпатичная такая, в брючном джинсовом костюме и туфлях. Фигуристая очень.

– А лицо?

– Особенно я ее не рассмотрел, она в тени стояла. Но помню, что привлекательная.

Вырисовывалась нехитрая картина: сразу после звона стекла перед банком появилась девица с намерением отвлечь внимание вышедшего охранника. И ей это удалось в полной мере: глядя на ее формы, он позабыл на некоторое время про службу, про разбитое стекло и вообще для чего вышел на крыльцо.

Парня элементарно развели.

– А дальше ночное дежурство проходило без приключений?

– Именно так, – отозвался Никифоров.

– Что ж, давайте посмотрим, что там делается в хранилище.

– Нам тоже идти? – неуверенно спросил Потап и посмотрел на Михалева.

Тот в знак согласия кивнул.

– А куда же мы без вас, голубчики, – хмыкнул следователь по особо важным делам. – Кто-то же должен помочь нам разгрести все это дерьмо. Так что испейте свою чашу до дна!

Глава 3

Значимый визит

Вошли в кабину лифта, просторного, будто однокомнатная квартира. Совершенно бесшумно заработал электродвигатель, и лифт ухнул вниз, отчего грудину обдало неприятным холодом. Потом где-то под самыми ногами что-то зашипело, и дверцы кабины открылись, приглашая к выходу.

– Приехали, – невесело сказал подполковник Северцев, когда двери лифта распахнулись.

– Нам сюда, товарищ следователь, – произнес Потап и, уверенно протопав по освещенному коридору, потянул на себя металлическую решетку, вдруг неприятно скрипнувшую.

– И что у вас там? – протянул Жилинский, зашагав следом. – Хранилище?

– Оно самое.

За ним, отставая на полшага, топал подполковник Северцев, а позади, с унылой физиономией, какая может быть только у человека, приговоренного к эшафоту, плелся Архип. Парня одолевали невеселые мысли.

Перешагнув порог хранилища, Афанасий Жилинский невольно присвистнул. Оно представляло собой удручающее зрелище. Иначе как разорением подобную картину не назовешь: большая часть ячеек была вскрыта, на полу валялись холщовые пакеты с банковскими печатями, поломанные ящики с вывороченными замками, разбросанные банкноты, а в самом углу, как если бы их специально сгребли в неряшливую кучу, лежали золотые монеты царской чеканки и какой-то бумажный мусор.

В увиденное трудно было поверить – взломан был один из самых надежных банков России. Преступники сумели одолеть трехтонную дверь и забраться в хранилище, имеющее с десяток степеней защиты. При этом каким-то невероятным образом им удалось миновать с полсотни видеокамер и оказаться внутри банка, находящегося под наблюдением охраны двадцать четыре часа

в сутки. И это не говоря уж о том, что внутренний коридор хранилища перегородивала металлическая решетка с замками, которую тоже нужно было преодолеть. А у входа в банк стояла скоба металлоискателя, через которую обязан был пройти каждый посетитель. Дерзости грабителей оставалось только подивиться. Во всяком случае, они представляли собой весьма редкую породу преступников, с которой прежде сталкиваться не доводилось.

Афанасий Жилинский в задумчивости прошелся по хранилищу. В нем было тихо, как в склепе. Никто не решался прервать установившуюся тишину, лишь под ногами у Жилинского похрустывал и шуршал раскиданный грабителями мусор, футляры и коробочки для ювелирных украшений.

У самых ног лежала прямоугольная раскрытая коробочка из красного бархата. Афанасий Жилинский поднял ее. Осмотрел со всех сторон. Интересно, что в ней могло быть? Скорее всего, какое-то эксклюзивное ожерелье. Рядом, под обрывками оберточной бумаги, валялась еще одна коробочка, но меньших размеров зеленого цвета. Наверняка в ней помещался какой-то золотой перстень с драгоценным камнем.

Стараясь не наступать на разбросанные предметы, Жилинский переходил от одного ящика к другому. Не усмотрел – под ногами что-то неприятно хрустнуло. Нагнувшись, он поднял золотой инкрустированный браслет, украшенный небольшими бриллиантами. Весьма приятная вещь, с одного взгляда было понятно, что весьма дорогая, штучная. Именно такие и держат в хранилище. Взяв за самые края, чтобы не стереть отпечатки пальцев, осторожно осмотрел. Не исключено, что в хранилище грабители «работали» при свете фонарика, и браслет был просто обронен в спешке, а времени выискивать его среди разбросанных ящиков у них просто не оставалось, вот поэтому и оставили. Вытащив из кармана пластиковый пакет, полковник осторожно поместил браслет внутрь. Даже через пластиковую пленку прорывались яркие искорки – Жилинский невольно задержал взгляд, любуясь.

– Сколько ячеек в хранилище? – спросил Жилинский.

– Двести десять, – ответил Никифоров.

– А сколько же взломали?

– Сто пятьдесят три.

Жилинский покачал головой:

– Однако! У взломщиков хороший аппетит. Я так понимаю, они открыли больше, чем могли унести. Вообще они щедрые люди, могли бы, например, сунуть пару алмазных браслетиков в карман, однако не пожадничали, кое-что оставили. Если они пренебрегли такими великолепными вещами, даже трудно предположить, какие именно ценности им удалось забрать!.. На вахте сейчас дежурят? – спросил Жилинский у Никифорова.

– Конечно. Несмотря на происшествие, мы работаем в штатном режиме.

– Понятно. Номер ведомственной охраны помните?

Потап назвал цифры.

– Сейчас мы посмотрим, в чем там дело, – пообещал Жилинский, нажимая на кнопку включения.

Уже после первого гудка в трубке раздался уверенный голос:

– Дежурный ведомственной охраны Захарчук.

– Вот что, Захарчук, это полковник Жилинский звонит из следственного комитета. Сейчас я нахожусь в банке «Заречье», ты вот что сделай: посмотри охранную систему – с ней все нормально? Она функционирует?

– Секунду, товарищ полковник...

Жилинский обвел взглядом помещение, заметив на потолке свернутый датчик, удивленно хмыкнул.

Через минуту прозвучал тот же самый голос:

- Все системы функциональны, я проверил все сигналы. Никаких сбоев в системе безопасности хранилища банка «Заречье» не наблюдается.

- Вот даже как... А тогда ответь мне, Захарчук, где я, по-твоему, нахожусь?

- Не могу знать, товарищ полковник.

- А нахожусь я в том самом хранилище, которое вы поставили на сигнализацию.

- Вы хотите сказать - около дверей хранилища? - неуверенно предположил Захарчук.

- Я хочу сказать - внутри хранилища, а металлическая дверь хранилища распахнута настежь!

- Этого не может быть. - Голос прозвучал слегка растерянно. - Кроме всего прочего... внутри хранилища по периметру введена электрическая защита, вас бы просто ударило током!

- Мне что, креститься, что ли? - раздраженно произнес Афанасий. Отключив телефон, он проговорил в сердцах: - Ну и работнички собрались в этой ведомственной охране. Ладно, разберемся еще с этим... Давайте посмотрим, что тут произошло.

Жилинский поднял один ящичек и осмотрел его со всех сторон. Он был из титановых пластин, практически не поддающихся сверлению, только замок выполнен из какого-то другого сплава, едва уступавшего по крепости. И это было единственным слабым местом. Злоумышленники высверливали замки, а потом выгребали из ящичков в сумки содержимое, попутно рассыпая его по полу. Поклажа оказалась столь весомой, что они не удосужились даже поднять «мелочовку» вроде старинных золотых монет и браслетов с драгоценными камнями.

Осмотрев покоренный ящик, Афанасий бросил его на пол.

- Но каким образом им удалось открыть трехтонную дверь? - удивился Потап Никифоров. - Во всяком случае, до сегодняшнего дня она считалась одной из

самых надежных в России. На ней несколько степеней защиты, не считая всяких хитроумных штучек.

- Например?

- Ну-у... Дверь настроена на изменение магнитного поля: стоит только слегка приоткрыть ее, как тотчас срабатывает сигнализация.

- Изменение магнитного поля, говоришь, - хмыкнул следователь по особо важным делам. Приблизительно он уже представлял картину произошедшего и понимал, что человек, отважившийся на такой дерзкий взлом, обладал настоящим криминальным талантом.

Жилинский подошел к двери и, присев на корточки, показал на сцепленные магнитные пластины, лежавшие в углу.

- Как вы думаете, что делают здесь эти магниты? Они ведь должны быть закреплены на двери?

Никифоров пожал плечами:

- Мне сложно сказать.

- А я вам сейчас объясню... Преступник просто отвернул магнитные пластины с двери, сомкнул их между собой и положил в угол. Так что магнитное поле в помещении они не контролировали совсем! Не было никакого изменения магнитного поля! Человек, который придумал все это, изобретателен, он неоднократно появлялся в хранилище, и мы просто обязаны его вычислить. Меня другое интересует: сколько комбинаций на цифровом замке?

- Около миллиарда, - произнес Никифоров.

- Милли-и-а-ард, - в задумчивости протянул Жилинский. - Вы не могли бы мне подсказать, каким образом грабителям удалось угадать цифры в течение нескольких минут, на которые, если их подбирать, уйдет не одна тысяча лет?

- Не знаю.

– Может, ему кто-то подсказал номер?

Потап отрицательно покачал головой:

– Это невозможно. Код знают только два человека, которым разрешено спускаться в банк, и потом, его номер в целях безопасности постоянно меняют.

С досадой поморщившись, Жилинский в упор посмотрел на охранника и спросил:

– Да, об этом я уже знаю. Загадка... Кроме цифрового замка имеется еще и механический, – показал он на замочную скважину.

Парню было явно не по себе под строгим взглядом следователя – поневоле почувствуешь себя виноватым. Окажись в его ногах побольше силы, так он бы побежал отсюда во всю прыть! Наверняка перебирает в памяти грешки, за которые можно было бы привлечь его к ответственности.

Губы Потапа дрогнули:

– Да, мы используем его для большей надежности.

Наклонившись к замочной скважине, Жилинский внимательно осмотрел отверстие: царапины на внешней поверхности отсутствовали, не было насечек и вообще ничего, что могло бы свидетельствовать о том, что дверь вскрыта отмычкой или подобранным ключом. Ключ был явно эталонный – входил в замочную скважину легко, не сделав даже крохотной отметины.

– Хм, надежности... Подобрать отмычку на такой замок невероятно сложно. Он был открыт эталонным ключом или дубликатом. Где у вас хранится ключ от двери? – спросил Афанасий Жилинский.

– В будке охранника, – показал Потап на затемненное стекло, сквозь которое неотчетливо просматривались контуры небольшого помещения.

– Вот как? – удивился Жилинский. – Я думал, что ключ вы приносите с собой.

– Конечно же так. Когда мы вечером ставим хранилище на охрану, то закрываем ключом дверь и забираем его с собой. Он находится у нас на вахте. Утром открываем хранилище, снимаем дверь с сигнализации, открываем дверь ключом и вешаем его внутри будки. Он ведь там не просто так находится, а содержится под охраной.

– Разумеется, под охраной, – ядовито сказал Жилинский. – Так же как и хранилище. Давайте глянем, что там за ключ.

Потап торопливо прошел к будке и распахнул перед полковником дверцу:

– Пожалуйста!

Напротив входа в небольшом металлическом ящике висел длинный ключ из какого-то темно-серого матового металла. Даже на первый взгляд было видно, что он невероятно крепок и сложен в конструкции. Дополнительную надежность ему придавали борозды и многочисленные насечки, располагавшиеся по обе стороны от штифта. Такую хитрую технику подделать весьма затруднительно, куда проще изготовить дубликат. Вот только каким образом это удалось сделать преступнику, когда ключ находился под охраной? Может, ему удалось выманить секьюрити из хранилища под каким-нибудь благовидным предлогом, а затем снять с ключа слепок?

– Этот? – показал Жилинский на длинный ключ.

– Он самый.

Афанасий снял с крючка ключ. Огромный, будто от городских ворот. Обычно именно такие ключи жители побежденного города с поклоном подносили своим завоевателям. Человек, проникший в хранилище, не брал приступом ворота, не разрушал крепостных стен, он действовал намного хитрее и изобретательнее.

– Здесь ведь установлены видеокamеры? – спросил Жилинский.

– Да, – охотно отозвался Потап. – Одна висит над дверью, – показал он на «глазок», поблескивающий между панелями. – Другая над самым потолком. Вот эта черная пластинка... «Глазок» замаскирован, просто так его не разглядишь,

через него видно практически все помещение, «глазок» широкофокусный. А третья располагается сразу напротив ячеек, частично дублирует первые две видеокамеры и показывает то, что происходит перед ячейками. Здесь все законно, – расценил он задумчивый взгляд Жилинского по-своему, – получены соответствующие разрешения. А потом – мы должны были обезопасить себя на случай незаконного проникновения в хранилище.

– И вот, кажется, оно наступило, – хмыкнул Жилинский. – Поздравляю! Вы все учли! Надеюсь, вы храните все записи?

– Да. Если желаете посмотреть их, то они...

– Эти записи я у вас заберу, – строго посмотрел Жилинский на Потапа.

– Все понял. Записи находятся в комнате охраны, только мне нужно будет предупредить начальство.

– Я сам скажу вашему начальству... А это еще что такое? – показал он на датчик, находившийся подле двери.

– Датчик света, – ответил Никифоров, разбиравшийся в электронной защите хранилища. – Срабатывает, если в хранилище будет...

– Это мне известно, меня интересует, почему на нем пленка, как будто бы его залили каким-то лаком? Через него не проходит свет.

– Даже не знаю, что вам сказать, – удивленно протянул Потап. – В хранилище я бываю очень редко, здесь у нас отдельный пост.

– Это еще раз доказывает, что преступник – один из ваших клиентов или у него был сообщник... В какой-то момент, когда за ним никто не наблюдал, ему удалось залить лаком датчик. А вы этого даже не заметили. Кто здесь дежурил в день ограбления?

– Я, – подошел к Жилинскому крупный мужчина. Лицо у него было красное, по толстой шее стекал обильный пот, будто он находился в сильно натопленной бане, и это при том, что в хранилище было прохладно.

– Что здесь произошло? Почему датчик света покрыт лаком? Вы выходите из хранилища?

– Конечно же нет. Это запрещено! Я всегда действовал так, как положено по инструкции.

– Но ведь кто-то это сделал? Я так понимаю?

Здоровяк лишь развел руками. Его лицо еще более побагровело, он напоминал нашкодившего ученика, стоящего у доски, и на Жилинского старался не смотреть – взирал куда-то поверх его левого плеча, прямо на развороченные ячейки.

– Так... Но помещение всегда оставалось закрытым.

– Может быть, это сделал кто-то из ваших клиентов?

– Но каким образом? Ведь я же за всеми наблюдаю, а потом – видеосистема...

– Что вы мне все на видеосистему киваете? – сдерживая злость, ответил полковник Жилинский. – Я вас спрашиваю: почему на датчике непроницаемая пленка?

– Не знаю, – уныло признал охранник.

Афанасий Жилинский лишь вздохнул:

– В этом банке кто-нибудь знает, что здесь происходит? А что это за датчик на потолке?

– Это импульсивный датчик, – с готовностью принялся объяснять Потап.

– Что за импульсивный датчик? Объясните вы мне по-русски, для чего он предназначен? – раздраженно спросил Жилинский.

– Его луч с периодичностью в три-четыре минуты выстреливает по стенам и ожидает ответа. Если сигнал не возвращается, то на пункте ведомственной охраны включается сигнализация.

– Три-четыре минуты, говорите?.. По-вашему, грабитель успел за несколько минут вскрыть сто пятьдесят ящиков, я так понимаю? – Здоровяк лишь повел плечами. – А что там за провода торчат в потолке? Он их обрезал, что ли?

– Трудно сказать, – пожал плечами Никифоров. – На мой взгляд, он только потерял время, когда с ними возился.

– Потерял, говорите, – недоверчиво хмыкнул Афанасий. – А я вот думаю, что он просто зациклил исходящий импульс. Сигнал выстреливает в потолок и возвращается обратно. Датчик оказался в петле. Вот и весь секрет! А преступники при этом спокойно вскрывали ячейки. Где здесь датчики тепла?

– Они в коридоре.

– Что ж, пойдете глянем, что там с ними случилось.

Перешагнув через ящик, Жилинский вышел в коридор и тотчас на противоположной стене увидел тепловой датчик, завернутый в полиэтиленовый пакет: теперь понятно, почему сигнализация бездействовала!

– Тепловые датчики еще имеются?

– Да, есть. Они находятся на втором этаже.

– Это откуда в банк перелезали преступники?

– Да.

– Тогда почему датчики не сработали, когда преступники вошли, как вы думаете?

– Затрудняюсь ответить.

– А я вам скажу: они обернули их чем-то изолирующим.

Неожиданно дверь лифта отворилась, и к нему навстречу покрасневшимся коlobком выкатился невысокий мужчина с короткими ногами и такими же короткими руками. Несуразность фигуры скрывал костюм серого цвета в тончайшую белую полосу, сшитый явно на заказ. Даже выпирающий живот, поверх которого болтался длинный галстук, повязанный большим узлом, выглядел вполне уместно.

– Я управляющий банка, – с ходу выпалил толстяк, протягивая ладонь. – Семен Валерьянович Рощинков.

– Долго вы сюда добирались, однако, я вас ждал еще полчаса назад.

– Знаете, был очень важный звонок из министерства, – виновато протянул Рощинков. – Пришлось докладывать, что здесь произошло, и как только я освободился, так тотчас примчался к вам.

– Хорошо... Вы знаете, что здесь произошло? – спросил Жилинский, вытащив из пачки сигарету.

– Простите... – подался вперед управляющий, вытерев носовым платком пропотевшую шею.

Жилинский невольно хмыкнул: почему-то в хранилище всем становится жарко – а может, сотрудники банка обладают повышенной потливостью?

– Я у вас хотел спросить, вы вообще знаете, что у вас происходит в банке?

– Было совершено ограбление, и как только мы об этом узнали, так тотчас сообщили вам. Если вас интересуют какие-то...

– Давайте сделаем вот что: для начала мне нужны все видеозаписи, какие имеются. И с камер наружного видеонаблюдения, и с тех, что установлены внутри здания.

– Считайте, что вы их получили, – отозвался банкир, энергично закивав головой. – Что вас еще интересует?

– Документация банка, ваши клиенты, – принялся перечислять Афанасий. – Особенно те, кто стал вашим клиентом в последние полгода.

– Все это вы получите, я не вижу никаких препятствий.

– Вы знаете всех своих основных вкладчиков?

– Разумеется! – тотчас откликнулся Рощинков. – Это моя работа. Нередко я с ними встречаюсь.

– Назовите мне их, – Жилинский вытащил блокнот с ручкой.

Посмотрев на охрану, державшуюся поодаль, спросил:

– Прямо сейчас?

– Чего же тянуть время?

– Существует некоторая тайна вкладов, мне бы хотелось поговорить о них в моем кабинете.

– Давайте поднимемся, – Жилинский шагнул в кабину лифта. Следом неуклюжей тенью вошел подполковник, а уже за ними на коротеньких ножках закатился банкир.

Лифт бесшумно тронулся. Банкир, стоявший в самом углу, все сильнее багровел и обливался потом. Спрятав усмешку в рыжеватых усах, полковник Жилинский отвернулся.

Дверцы лифта разошлись в стороны, и Жилинский увидел просторный холл с огромными занавешенными окнами. Подле балкона, не обращая внимания на присутствующих, работала экспертно-криминалистическая группа в составе двух экспертов и техника-криминалиста, с которой Жилинский был знаком по совместной работе. Майора Чупилова, старшего их группы, он знал дольше

других – следственный комитет привлекал его к расследованию наиболее сложных дел. Хотя объяснение можно найти – более педантичного человека трудно было отыскать. Впрочем, другие на таком месте не задерживаются.

Заметив Афанасия, вышедшего из лифта, Чупилов с доброжелательным видом кивнул, но отвлекаться от работы не пожелал, продолжал укладывать пинцетом что-то в пластиковый пакетик. Интересно, что он там отыскивал? Впрочем, какая разница, так или иначе весь материал попадет к нему на стол вместе с отчетом.

Стараясь не привлекать к себе внимание, Афанасий подошел к балконной двери и увидел, что внутренние и внешние стекла аккуратно вырезаны, а через большой проем просматривался заросший яблоневый сад. Аккуратно обошел разложенные экспертами флакончики с какими-то цветными жидкостями, химикатами и ступил на балкон; оперевшись о металлические перила, внимательно осмотрел двор. На стене отчетливо обозначился черный след от подошв ботинок, оставленный в тот момент, когда злоумышленник перелезал через перила балкона. К металлическим прутьям балкона была привязана веревочная лестница: не стали рисковать драгоценной поклажей, вот потому спускались обстоятельно. Где-то их можно понять.

Банкир Рощинков с подполковником Северцевым стояли поодаль. У обоих вид отчего-то виноватый, какой может быть только у преступников, совершивших ограбление и терзаемых муками раскаяния.

Увидев легкую улыбку на лице Жилинского, банкир угодливо растянул пухлые губы, расценив ее по-своему.

– Пойдемте в кабинет, – предложил Рощинков и заторопился к массивной двери в самом конце коридора.

Афанасий Жилинский вошел в уютный, но без лишней роскоши просторный кабинет. На полках стояли многочисленные слоники из нефрита, чароита, яшмы. Видно, хозяин кабинета их коллекционировал. Внешне он и сам напоминал такого же слоника – был грузен и большеголов. Наиболее ценной вещью в кабинете был стол из черного дерева, занимавший значительную площадь перед окном. Наверняка на изготовление этого шедевра ушла небольшая африканская рожица.

Семен Валерьянович привычно устроился в высоком черном кожаном кресле, положив на гладкую полированную поверхность пухлые руки.

Приостановившись у порога, Жилинский внимательно наблюдал за перевоплощением человека. Это был, наверное, тот самый случай, когда место меняет человека. Прежний пухлый коротышка внезапно пропал, и теперь перед ним сидел человек, облеченный немалой властью. Кустистые брови, дрогнув, сошлись на переносице, даже ростом он стал как будто повыше, а телом постройнее.

- Вы проходите, присаживайтесь, - разрешил банкир.

Афанасий Жилинский едва сдержался от усмешки, услышав в голосе банкира покровительственные нотки.

- Вы великодушны, Семен Валерьянович, - отозвался Жилинский, разместившись на крепком стуле. - У меня к вам такой вопрос: вы ведь управляющий банка?

- Да.

- А кто же в таком случае хозяин?

- Один молодой бизнесмен, хотя уже давно работает в банковской сфере. Его фамилия Губарев. А что?

- Просто спросил. Почему ограбили именно ваш банк?

В больших, чуть навывкате глазах банкира возникло изумление. Прижав руки к груди, он с чувством ответил:

- Помилуйте! Откуда же мне знать об этом? Это вам могут сказать только преступники... когда вы их поймаете. Возможно, они посчитали наш банк слишком легкой добычей. Право, я даже не знаю...

- А как вы думаете, что могло заинтересовать преступников в вашем банке? Ведь ваш банк один из самых защищенных в России, но они пошли на большой риск и в результате все-таки его вскрыли.

- В нашем банке находились алмазы... Возможно, кому-то другому я бы и не сказал об этом, но представителю следственного комитета...

- И откуда они к вам поступали?

- Они поступали из алмазной компании «Дружный». Со всех карьеров... Отсюда они шли на огранку, поступали к заказчикам. Собственно, меня это уже не интересовало. Я отвечал только за хранение. И вот видите, как получилось...

- На какую сумму вы оцениваете причиненный ущерб?

- Полагаю, было вынесено не меньше чем на три миллиарда долларов.

- Однако! Сумма немаленькая.

- Хм... Более чем... Такая сумма может составить годовой бюджет какой-нибудь небольшой страны.

- А вам не кажется странным, что грабители комфортно чувствовали себя в вашем банке?

- Что вы имеете в виду?

- Преступники выявили наиболее уязвимые места в охране банка. Обошли наружные камеры видеонаблюдения. Проникли через балкон второго этажа, высадив при этом стекло, и обошли все датчики, встроенные на пути к хранилищу. Невольно создается впечатление, что их кто-то просто водил за руку.

- Даже не знаю, что вам ответить...

- Кто из ваших сотрудников был допущен к секретам охранной системы?

Банкир задумался.

– Сотрудники охраны... Потому что они обязаны включать и выключать системы охраны банка. Кроме того, о секретах сигнализации знали те, кто устанавливал ее. План здания с помеченной на ней сигнализацией находился в архиве. Вы заблуждаетесь, если думаете, что он находится в недоступном месте. При некоторой изобретательности его мог получить практически любой!

А подозревать кого-то конкретно из своих сотрудников я не имею права, – развел он руками. – Вы следователь, ищите! А я уже со своей стороны помогу, чем смогу. – Нажав на кнопку коммутатора, распорядился: – Вот что, Потап, давай подготовь товарищу следователю видеозаписи. Уже подготовил? Прекрасно! Неси все сюда. – Выключив коммутатор, посмотрел на Жилинского. – Сейчас вам принесут все необходимое.

– Хорошо. Мне бы хотелось ознакомиться еще с личными делами ваших сотрудников.

– В этом вопросе тоже не будет проблемы. Я отдам распоряжение, чтобы вам подготовили всю имеющуюся информацию.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла кареглазая секретарша в зауженных брюках на длинных и тонких, будто вязальные спицы, ногах.

– Семен Валерьянович, к вам Никифоров.

– Пусть заходит, – кивнул Рощинков.

Вошел Никифоров. Долговязый, ссутулившийся. Сейчас он выглядел несколько старше, чем какой-то час назад до того, как узнал об ограблении. Остановился напротив распахнутого окна, и солнце, бившее в лицо ярким светом, заставляло его щуриться. Однако отойти даже не попытался и терпеливо сносил лишения.

– Вот здесь то, что вы просили, – положил он на стол коробочку. – Там все подписано. – Открыв крышку, добавил: – На этих дисках записи из хранилища, на этих – первый и второй этаж... А вот это – записи видеокамер наружного наблюдения.

– Хорошо, – кивнул Жилинский, – я изучу.

– Все, Потап, можешь идти, – распорядился банкир и, когда охранник удалился, поинтересовался: – У вас еще что-нибудь есть?

Афанасий Жилинский едва сдержал улыбку. Тот самый случай, когда служебный кабинет посильнее личности, а уж если кресло обтянуто тонкой лайковой кожей, то собственная значимость его обладателя возрастает многократно. Наверняка на следователя прокуратуры, сидевшего от него на некотором расстоянии, он смотрел всего-то как на просителя.

– Думаю, вы не будете возражать, если я к вам наведаюсь как-нибудь еще? – простодушно спросил Жилинский. Вот только его глаза смотрели прямо и жестковато: «Попробуй возрази!»

– Чем смогу, тем помогу, – слегка растерянно отозвался Рощинков.

Попрощавшись, Жилинский под настороженным взглядом управляющего вышел из кабинета.

В холле продолжали работать эксперты – совершали замеры у лифта, фотографировали датчики, затянутые полиэтиленовой пленкой. Жилинский подошел к окну и посмотрел вниз. Народу у банка прибавилось, по большей части это были журналисты из различных изданий. Среди репортеров он узнал знакомую журналистку из криминальной хроники.

Из подъехавшего «Мерседеса» класса люкс вышел импозантный крупный мужчина лет сорока, с легкой проседью в густых черных волосах, одетый в темно-серый костюм, и в сопровождении трех человек, не иначе как охрана, уверенно направился к распахнутым дверям банка.

Афанасий Жилинский невольно хмыкнул: «А вот и тяжелая артиллерия подкатила». В мужчине он сразу же узнал главу холдинга «Транссибнефть» Сафу Валидова, мелькавшего на страницах самых авторитетных изданий. Миллиардер, меценат, медийное лицо. Ну что еще можно сказать? Баловень судьбы! А как еще можно сказать про человека, которому в неполных тридцать лет посчастливилось возглавить крупнейший концерн России!

Неужели Валидов тоже в числе пострадавших?

Интересно, что он мог держать в ячейках банка: пяток яиц Фаберже? А может быть, корону Российской империи? Или полотно Рафаэля? Но уж если он сюда явился лично, то наверняка нечто весьма значимое. В прошлом году на аукционе «Сотбис» за три десятка картин русских авангардистов он выложил сто миллионов долларов. Интересно, где он хранит купленные шедевры? В своем загородном доме или присмотрел одну из ячеек банка «Заречье»?

Распознав подъехавшего миллиардера, к нему с микрофоном наперевес подскочила крепенькая журналистка в узких джинсах и темно-синей кофточке, через тонкую мягкую ткань которой рельефно выпирали радующие глаз выпуклости.

– Сафа Ахметович, а правда, что в связи с ограблением банка «Заречье» вы срочно прервали свой заграничный вояж?

– В Москве у меня возникли неотложные дела, – сдержанно ответил миллиардер. – К ограблению мое возвращение не имеет никакого отношения.

– Вы что-то хранили в банке «Заречье» и теперь приехали удостовериться в сохранности своей собственности?

Приостановившись, Валидов строгим взглядом смерил назойливую журналистку, а потом зашагал дальше. Миллиардер лишь ускорил шаг, отчего отвороты его пиджака слегка колыхнулись, показав на шелковом галстуке в тонкую синюю полоску крупную изумрудную заколку стоимостью с «Бентли». Подскочившая охрана оттеснила девушку, предоставив миллиардеру возможность для маневра, и Валидов энергично взошел на крыльцо банка и скрылся за толстой стеклянной дверью.

Дверь директорского кабинета широко распахнулась, и в холл на коротких ножках выкатился слегка запыхавшийся управляющий банка. На лестнице слышались быстрые шаги поднимавшегося миллиардера. Еще через секунду Валидов прошел в холл: лощеный, солидный, за версту благоухающий дорогим парфюмом.

– Очень хорошо, что вы подошли, Сафа Ахметович, – затараторил банкир. – Вы даже представить себе не можете, что у нас произошло!

Миллиардер вел себя подчеркнуто покровительственно. Именно таким он виделся со страниц газет из жизни светской хроники. Одна из фотографий была сделана несколько дней назад на приеме у римского папы. Сафа Ахметович взирал на него так, как будто бы оказывал честь Его Святейшеству.

– Представить можно, вот только надеюсь, что ваши неприятности не коснулись меня лично.

На раскрасневшемся лице банкира появилась растерянная улыбка.

– Вы можете не беспокоиться, все в порядке. – И, заметив Жилинского, с интересом наблюдавшего за Валидовым, заторопился: – Давайте пройдем в кабинет, я вам сейчас все объясню.

Телохранители Валидова предупредительно держались немного позади и старательно делали вид, что интересуются холодно-казенными интерьерами холла, а также возней экспертов, ползающих на коленях за какими-то микроскопическими уликами.

Жилинскому было известно, что телохранители Валидова ему невероятно преданы, и, надо полагать, дело тут не только в больших деньгах, которые он платил своим людям. Здесь присутствовало нечто большее: Валидов обладал какой-то невероятной харизмой, какой бывают отмечены лишь исторические личности. Ради такого человека так и хотелось порвать на себе рубашку и закричать во всеуслышание: «Готов служить тебе, батюшка!»

И они служили. Сафа Валидов был из той когорты начальников, что умеют заботиться о своих людях, и каждому из них он был не столько хозяином, сколько заботливым отцом. Его люди знали, что, случись с ними неприятность, Валидов постарается сделать все возможное, чтобы облегчить им жизнь. А если схлопочешь неаккуратно пулю, так семью не забудут, малолетних детей устроят в жизни, а достаток не иссякнет даже с потерей кормильца.

В прошлом году на Сафу Валидова было совершено нападение во время обеда в его любимом ресторане в районе Кутузовского проспекта. В результате перестрелки, случившейся прямо в зале заведения, одного из его охранников тяжело ранили в живот, а другого, заслонившего собой хозяина, убили. Семья тяжелораненого охранника получила пятьсот тысяч долларов, а его самого на

личном самолете Сафы Ахметовича отправили на лечение в Германию. Семья погибшего охранника получила миллион долларов, а осиротевших сыновей он пристроил в престижные вузы, выделив им на учебу весьма серьезную стипендию. Полицейским тогда не удалось продвинуться в расследовании ни на шаг. А Сафа Валидов с печальной улыбкой неизменно твердил, что понятия не имеет, кому он мог перейти дорогу, и уж тем более не может назвать заказчиков покушения. Уголовное дело забуксовало, как машина на лысой резине, и вскоре было отправлено на полку «висяков», где пылились штабеля нераскрытых дел.

По прошествии года через свои оперативные источники Афанасий Жилинский узнал, что заказчиком покушения стал его компаньон по металлургическому заводу. В какой-то момент тому показалось, что он получает значительно меньше, чем должен был, и решил кардинальным образом упрочить свое финансовое положение, а именно – устранить главного держателя акций. Однако вскоре компаньон умер при весьма загадочных обстоятельствах в своем шикарном загородном доме, где втайне от жены встречался с любовницей. Собственно, она его и обнаружила: открыв дверь своим ключом, жена увидела заводчика лежащим в переполненной ванне и взиравшим в потолок через толщу прозрачной воды умиротворенным взглядом.

Банкир торопливо распахнул перед Валидовым дверь, и тот, милостиво кивнув, вошел в просторный кабинет. Афанасий Жилинский много бы отдал, чтобы узнать, о чем именно они станут говорить за закрытыми дверями.

Через затемненные стекла в просторный холл пробился свет проблесковых маячков. «А это что еще за птица пожаловала?» – невольно подивился Жилинский.

Через открытый балкон он увидел, как к банку в сопровождении двух полицейских машин подкатил «Вольво». Интересно, кто бы там мог быть? Полицейский, выскочивший из головной машины, перекрыл выезд из стоянки, давая «Вольво» возможность подкатить к самому крыльцу. Задняя дверца широко отворилась, и из нее на асфальт шагнул мужчина лет сорока пяти в черном костюме, лицо которого показалось ему знакомым. Выбравшись из машины, не спешил заходить в банк, с интересом осмотрелся. Затем вытащил пачку сигарет и прикурил от зажигалки, заботливо поднесенной охранником. Движения значимые, почти величественные, какими обладает лишь дирижер, стоящий в оркестровой яме. И тут Жилинского осенило: это заместитель главы администрации президента Виктор Карнишин. Весьма незаметная личность, не

любившая блистать на публике и мелькать в новостных сводках. Он практически не давал интервью, избегал слепящих софитов, но именно этот человек в табели о рангах входил в пятерку влиятельнейших людей России. Карнишин являлся одним из доверенных людей президента и, как всерьез полагали аналитики, имел на него немалое влияние. Во всяком случае, президент не однажды правил уже утвержденные доклады после аналитических записок Карнишина. Интересно, какая нужда заставила его прийти в разоренный банк? Решил посочувствовать его незавидной судьбе или все-таки узнать о состоянии собственных вкладов?

Казалось, что даже журналисты опешили от столь неожиданного появления – держались настороженно и поодаль, как если бы ожидали, что тот может выкинуть нечто неподобающее. Однако сенсации не случилось: закулив сигарету, Виктор Карнишин поблагодарил охранника, стряхнул небрежным движением пальцев просыпавшийся на рукав пиджака табак и, распрямив спину, и без того невероятно прямую, направился в банк, где к нему навстречу вышли два заместителя управляющего.

Кажется, начинается...

Репортеры, не веря в свалившуюся на них удачу, запоздало защелкали затворами фотоаппаратов, усердно снимая заместителя главы администрации. Интересно, это последний значимый визит или стоит подождать очередного сюрприза?

Афанасий Жилинский посмотрел на часы – время неумолимо шло, оставив за плечами добрую половину дня. Следовало проанализировать видеоматериалы. А там посмотреть, что к чему.

* * *

Выйдя скорым шагом из банка, Сафа Ахметович под прицелом видеокамер гордо распрямил спину и направился к поджидавшему автомобилю. Неожиданно остановился подле молодой и весьма привлекательной журналистки и что-то негромко произнес, отчего юная особа зашлась от смеха. Со стороны могло показаться, что олигарх приглашал девушку на романтическое свидание. А может, так оно и было в действительности – отчего тогда так вспыхнули ее щеки?

Один из охранников распахнул перед ним дверцу машины, и Валидов юркнул в просторный салон. Машина стремительно набрала скорость и вскоре исчезла, как если бы ее и не было.

После разговора с управляющим банка Рощинковым у Валидова осталось тяжелое впечатление. Стараясь не смотреть олигарху в лицо, тот сообщил ему, что вкладчики обеднели почти на четыре миллиарда, три из которых составляют его долю. Во всей этой истории было что-то не так. Рощинков чего-то недоговаривал, Сафа Ахметович чувствовал недосказанность кожей. Во всем этом деле следовало разобраться самым тщательным образом. Ведь не кто иной, как Курганов, предложил ему стать компаньоном, продав значительную часть алмазов. Он же рекомендовал банк «Заречье», по его заверениям, являвшийся одним из надежнейших в России. Совместно с Кургановым предстояло организовать крупнейшее алмазное предприятие, в котором Валидов в предварительных беседах сумел выторговать себе значительную долю. И вот теперь не было ни алмазов, ни доли в бизнесе.

Повернувшись к начальнику службы безопасности концерна, мужчине немногим за сорок, Валидов распорядился:

– Игнат, поставь всех на прослушку, включая Рощинкова и Курганова. Может, что-то и прояснится. Только поаккуратнее давай, чтобы никто ничего не пронюхал. А то знаешь, чем это для нас может закончиться... Не нравится мне все это.

– Я все понимаю, Сафа Ахметович, – с готовностью отозвался начальник службы безопасности.

– Такой отпуск испортили! Сволочи!

Глава 4

Все-таки три миллиарда долларов!

Герасим Оленин приехал в Подмоскowie пять лет назад. Прослужив три года на Тихоокеанском флоте мотористом, он решил не возвращаться в родную Вологду, где, кроме матери, его никто не ждал, и осел в Анадыре, устроившись в артель золотодобытчиком. Большую часть своей жизни, двадцать один год из сорока четырех, он прожил на северо-востоке России, сменив за это время целую дюжину профессий. Лет десять Герасим терпеливо работал на драгах, а когда суставы свело от ревматизма, профессию решил поменять. Некоторое время перебивался грузчиком в продовольственном магазине, потом перешел на менее хлопотную – сторожем на местное кладбище, где провел без малого лет пять. Возможно, он и дальше нес бы свою тихую службу среди мертвецов, если бы однажды не обнаружил в себе некоторую особенность – стал вдруг разговаривать с погребенными. Но что самое удивительное – мертвяки и сами порой вызвали его на обстоятельный диалог и любили задавать неприятные вопросы, на которые трудно было отыскать ответ. В общем, с этими мертвецами были одни хлопоты. И когда ему осточертели споры с покойниками, он решил устроиться лесником в Сихотэ-Алине, полагая, что деревья будут более молчаливые, чем мертвецы. Среди животных, в которых он видел родственные души, Герасим Оленин прожил следующие несколько лет. Возможно, что он работал бы там до самой пенсии, если бы не длинное и обстоятельное письмо от матушки, ставшей дряхлой. Старуха умоляла приехать немедленно, чтобы перед смертью глянуть на него хотя бы одним глазком.

Герасим поначалу легко отмахнулся от этой просьбы, как поступал и с предыдущими, но на следующий день на его делянку заявился огромный тигр с глубоким поперечным шрамом на широком лбу, видно полученным в одном из поединков. Остановившись напротив двери, зверь, гипнотизируя егеря пронзительным взглядом, наблюдал за тем, как Герасим собирает хворост для розжига печи, контролируя каждое его движение. Со взмокшей спиной и пересохшими губами Герасим боковым зрением посматривал на тигра, опасаясь встретиться с ним взглядом, и даже на миг не решался прекратить начатую работу.

Это был тигр-людоед, растерзавший за последний месяц троих охотников. Неделю назад на него устроили облаву всей округой и после трехдневного марафона зверя удалось прижать к отвесной скале. И когда, казалось бы, не оставалось выхода, тигр, проигнорировав наставленные на него ружья, бросился через заслон, порвав на своем пути двух бывалых егерей.

Тогда показалось, что тигр навсегда ушел из этих мест в глухую тайгу, и вот неожиданно он объявился подле его избушки и взирал как на легкую и доступную добычу. Тигр как будто дожидался, что он, не выдержав направленного звериного взгляда, бросит наконец хвост и побежит к распахнутой избушке, чтобы настичь беглеца в два прыжка и ударом могучей лапы переломить шейные позвонки. В какой-то момент Герасим даже попрощался с жизнью, осознав, что хвост в руках будет последнее, что он увидит в этой жизни. И, призывая в помощь всех лесных богов и духов, яростно молился. Тигр вдруг широко зевнул и, потеряв к нему интерес, неторопливо потопал в гущу леса, оставляя на свежавыпавшем снегу отпечатки могучих лап.

Появление тигра-людоеда и свое неожиданное спасение Герасим воспринял как предостережение судьбы – матушка рассердилась не на шутку!

И, рассчитавшись в тот же день, ближайшим поездом уехал в родную Вологду. С матерью он успел пробыть недолго – поплакавшись на груди у сына, она стремительно угасала, и уже через месяц он отнес ее на погост.

С неделю после кончины матушки Герасим Оленин беспробудно пил, проклиная свое невеселое житие, осознавая, что из многочисленного рода Олениных он остался самым старшим и в следующий раз костлявая уже явится по его душу. А потом, как это с ним случалось после затяжного запоя, он резко взялся за ум: тщательно побрился, принял контрастный душ; надел белую рубашку с черными брюками, что доставал в исключительных случаях; обулся в лайковые штиблеты, начищенные до блеска – чем не рыцарь на боевом смотре, – и поехал в Подмоскovie просить место лесничего. На работу, вопреки ожиданию, едва полистав трудовую книжку, его приняли без оговорок, так что уже через пару дней, облачившись в пятнистый камуфляж, он отправился осматривать свои новые владения.

По давно заведенной привычке вставал Герасим рано – любил слушать шорохи ночного неба и большую часть времени пропадал в лесу. Работы хватало: в суровую зиму подкармливал лосей и кабанов, в жаркое лето, предупреждая пожары, запрещал любителям пикников заезжать в лесополосу. Работа не столько сложная, сколько нервная, едва ли не каждый считал себя «спецназовцем», а то и «коммандос», а потому особо ретивых приходилось успокаивать, наставив взведенные стволы в лоб. Как правило, такая профилактическая мера действовала эффективно, а потому в его районе нарушений было куда меньше, чем в соседних. Начальство, видя его старание и общие положительные показатели, его не обижало, а потому едва ли не

ежеквартально поощряло солидной премией. Тратить деньги особенно было некуда, а потому большую часть сбережений он просто передавал Марусе, поселковой немолодой женщине, прижившей от него два года назад сына.

Оленин договорился встретиться с Марусей вечером, сразу после того, как проверит подъездные пути к лесу. Три дня назад какая-то компания поломала дорожные ограды и устроила на реликтовой поляне пикник, разбросав повсюду бутылки. Герасим Оленин был уверен, что нарушители, уверовав в безнаказанность, вновь явятся на любимившееся место. Оставалось их только подкараулить и спросить с них не только за нынешние нарушения, но также и за прошлые подвиги.

Однако вернуться вечером в поселок не удалось – а все дела! В одном месте он заметил небольшое стадо косуль, не забредавших прежде в этот уголок леса. На другом участке в глубине чащи приметил дружное семейство кабанов. Обо всем этом следовало сообщить зоологам. Так что освободился он ближе к полуночи и, собрав небольшую сумку с угощениями, затопал через ночной лес.

Протопав с полкилометра, Герасим услышал звук приближающегося автомобиля. Поначалу ему показалось, что это шум двигателей, доносившийся с трассы, но потом из-за могучих стволов деревьев блеснул свет дальних фар, ослепив его на мгновение. «А это еще что такое?» – невольно подивился Оленин, прислушиваясь к размеренному гулу двигателя.

Бывало, что с дороги на обочину съезжали машины с молодыми парами, желавшими уединиться. Но на сей раз машина заехала явно не для этой цели, тем более что в полуночное время достаточно съехать всего-то на десяток метров, где их совершенно не рассмотреть с дороги. Следовательно, машина прибыла для чего-то другого. Странно, что это было ночью, тем более что двигался автомобиль по заросшей дороге, уже давно не используемой, шедшей в никуда и заканчивающейся аппендиксом где-то в середине леса.

Двигатель вдруг умолк, и машина встала, уперевшись светом фар в неровную стену из колючих кустарников. Хлопнули дверцы, слышимые в ночи особенно громко.

«Кто это такие? Чего это они приперлись в лес?» – невольно подумал Оленин и зашагал в сторону остановившейся машины. Он не прошел и ста метров, как

между стволами ярко брызнул огонь.

– А это еще что за черт? – невольно выругался Оленин и ускорил шаг.

Костер поднимался все выше, словно хотел подпалить ночное небо, а острые алые языки цепляли верхушки деревьев, норовив там и остаться. У костра Герасим рассмотрел две мужские фигуры с мешками в руках. Выждав, когда огонь разгорится сильнее, они пошвыряли свою ношу в самый центр пламени. Подле машины возникла еще одна широкоплечая фигура – вышедший, открыв дверь багажника, вытащил из него мешок и потащил к костру.

Перевес сил был явно не на стороне лесничего. Подобрал с тропы тяжелую суковатую палку, Герасим приблизился. Ладно, поглядим, как выйдет.

– Что вы делаете?! – громко выкрикнул Оленин. – Ведь весь лес спалите, сволочи!

Герасим Оленин готов был к перепалке, к агрессивному поведению со стороны приехавших, даже к нападению, но гости повели себя странным образом: широкоплечий бросил мешок в разгоревшийся костер и негромко распорядился:

– Все, уходим!

Мужчины дружно вернулись к машине и, распахнув дверцы, проворно юркнули в затемненный салон. Внутри машины на переднем сиденье он рассмотрел еще одного человека, но вот только никак не мог понять, кто же это был: мужчина или женщина. Автомобиль быстро развернулся и, зацепив правым крылом ствол дерева, заколесил в обратную дорогу.

Герасим Оленин подошел к костру и принялся раскидывать разгоревшиеся ветки; тлеющие сучья притоптал ногами; скинул в лужу прогоревший мешок, из которого посыпался какой-то мусор. Повсюду на полянке были раскиданы холщовые мешки, тряпки, слипшиеся от огня в плотные комки полиэтиленовые пакеты. Ушел Оленин только тогда, когда в землю был втоптан последний уголек. Осмотрев свою перепачканную одежду, недовольно хмыкнул – а ведь куплена была накануне. Чертыхнувшись, разглядел на штанинах две небольшие прорехи – даже не помнил, когда именно прожег ткань угольками.

Стрелки часов двигались к двум часам ночи. В какой-то момент он хотел повернуть в обратную сторону, чтобы привести одежду в порядок, но раздумал – Маруся вряд ли сомкнет глаза, так и простоит у окна, дожидаясь непутевого сожителя. А то и вовсе, пренебрегая темнотой, заторопится ему навстречу. Отчаянная баба! Так что есть от чего занервничать. И он, стряхнув с брюк налипший сор, затопал через сгустившуюся темень.

Еще через час Оленин был в поселке, встретившем его вялым лаем разбуженных собак. В горнице Маруси горел свет, бросая на запыленную дорогу тень из ломаной геометрической фигуры. Постучавшись в дверь, услышал встревоженный голос:

– Кто там?

– Маруся, открывай.

– Где же ты ходишь? Глаз не могу сомкнуть, – произнесла из-за двери женщина, загремев тяжелой задвижкой.

Внутри у Герасима защемило. Ведь и не жена как будто, а, однако, вон как печется. Дверь приоткрылась, и в ярко освещенном коридоре он увидел Марусю в красном ситцевом халатике, небрежно наброшенном на плечи; в крупных темных глазах – трудноскрываемая тревога.

– Господи! – всплеснула руками женщина. – Откуда же ты такой перемазанный?

– Шел через лес, – неопределенно сказал Оленин. Не самое подходящее время, чтобы вступать в пересуды – сейчас бы тяпнуть полстакана водки для расслабления да и спать! – Увидел, костер в лесу горит, вот и решил потушить, – показал он на свои прожженные брюки.

– Да где же ты огонь-то нашел? – недоверчиво спросила Маруся. – Ведь несколько дней дождь шел. Все в грязи! Ладно, проходи, чего уж тут. – И уже строго, как и подобает рачительной хозяйке: – Только не натопчи здесь у меня, разувайся вот тут! – показала она на небольшой коврик у входа. – А то ведь я сегодня все вымыла.

– Хорошо, – легко согласился Герасим, проходя в коридор.

По телу прокатилась приятная расслабляющая теплота, как будто бы в родной дом пришел. Нужно будет как-то решать с этим отшельничеством, не век же куковать на глухой заимке. Уж больно народ нынче беспокойный пошел, могут когда-нибудь и голову отвернуть.

Все произошло само собой, как это случается между супругами, прожившими бок о бок не один год. Чтобы договориться, хватило всего-то полнамека, и после того, как он смыл с тела дорожную пыль, босым, не стесняясь собственной наготы и худобы, направился в спальню, Маруся уже ждала его на мягких пуховых одеялах распластанная. Ключнув ее в пухлые губы, Герасим аккуратно, как если бы опасался причинить боль, взгромоздился на ее сдобное тело и, обхватив ладонями ее плечи, медленно вошел, хищно наблюдая за тем, как она, закрыв глаза, глубоко вздохнула и прикусила нижнюю губу. Будто избавляясь от страха прошедшего дня, от всех переживаний, что накатили на него за прошедший вечер, Герасим, не зная устали, двигался на ее сытном, будто бы сдобренном сливками теле. А когда истома, зародившаяся внизу живота, на какое-то время заставила его замереть, он расслабился и что-то прорычал в покрасневшее ухо Маруси.

Некоторое время они лежали неподвижно: Маруся, пренебрегая неудобствами, как если бы опасалась спугнуть обрушившееся на нее счастье, терпеливо держала на себе костлявое, но такое тяжелое тело Герасима; а тот, будто бы уснув, наслаждался теплотой и запахом женской кожи, также не желая шевелиться.

Наконец Маруся открыла глаза.

– Я думал, что ты умерла, – негромко произнес Герасим, разглядывая разрумянившееся женское лицо.

– Если я и могла умереть, так только от счастья. Знаешь, никогда не думала, что ты такой тяжелый. Вроде бы в тебе и мяса-то нет, а как придавил, так и пошевелиться не могу.

– Видно, кости тяжелые, – предположил Герасим, откатившись. – Это я еще по детству своему помню: с пацанами начнем взвешиваться – я худой, как скелет,

а всякий раз вешу больше какого-нибудь толстяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/suhov_evgeniy/po-sledam-genial-nogo-grabitelya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)